В. Уляницкій.

МЕЖДУКНЯЖЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ

во

ВЛАДИМІРО-МОСКОВСКОМЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ

въ XIV — XV в.

1108

(Къ вопросу о «двуименныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ).

МОСКВА.

1893.

В. Уляницкій.

МЕЖДУКНЯЖЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ

ВО

ВЛАДИМІРО-МОСКОВСКОМЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ

ВЪ XIV—XV В.

(Къ вопросу о «двуименныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйст. Члена **В. А. Уляницкаго.**

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Въ настоящее время полнаго застоя въ изученіи нашей нумизматики Владиміро-Московскаго періода весьма отрадно появленіе всякаго труда, задающагося цѣлью серіознаго ея изученія. Къ числу такихъ метеоровъ въ этой темной донынѣ области нашей археологіи мы относимъ появившійся недавно первый выпускъ *Матеріаловъ по Русской нумизматикѣ* молодаго нашего нумизмата-теоретика А. А. Карзинкина. Авторъ помѣстилъ въ этомъ выпускѣ два изслѣдованія, посвященныхъ нашей нумизматикѣ XV в., изъ коихъ первое занимается вопросомъ: „О монетахъ съ именами двухъ князей или о т. наз. „союзныхъ монетахъ“, т. е. о монетахъ, имѣющихъ на одной сторонѣ имя вел. кн. Василія Васильевича, а на другой—имена нѣкоторыхъ изъ удѣльныхъ князей Московскихъ (Андрея Дмитріевича (1389—1432) и Ивана Андреевича (1432 — 1454) можайскихъ, Семена Владиміровича серпуховскаго (1410—1426), Петра Дмитріевича дмитровскаго (1389—1428) и Юрія Дмитріевича (1389—1434) и Дмитрія Юрьевича (1434—1453) галицкихъ) и одного князя ярославскаго—Александра Ѳедоровича (143?—1471).

Задача, которую ставитъ себѣ авторъ—объяснить появленіе этихъ двуименныхъ монетъ.

Перечисливъ опубликованные донынѣ экземпляры двуименныхъ монетъ и указавъ на высказанныя объ нихъ мнѣнія Черткова и гр. Чапскаго, авторъ ставитъ вопросъ о поводахъ появленія этихъ монетъ. Для разрѣшенія этого вопроса онъ совершенно основательно обращается къ исторіи и „въ виду того, что періодъ ихъ чеканки совпадаетъ съ періодомъ уничтоженія самостоятельности удѣловъ Москвы“, выражаетъ мнѣніе (стр. 10), что „объясненіе повода чеканки двуименныхъ монетъ нужно искать въ общемъ ходѣ исторіи Московскаго вел. княжества въ связи съ исторіею его удѣловъ и во взаимныхъ отношеніяхъ вел. кн. Московскаго къ его удѣльнымъ князьямъ“. Мы видимъ, что вопросъ поставленъ авторомъ на совершенно правильную историческую почву. Къ сожалѣнію, нельзя однако сказать, чтобы поставленная авторомъ тема была имъ правильно и разработана.

Какъ извѣстно, главнымъ матеріаломъ для сужденія о междукняжескихъ отношеніяхъ конца XIV в. являются сохранившіяся до нашего времени княжескія грамоты и договоры, какъ дополненія къ лѣтописнымъ сказаніямъ. Къ грамотамъ этимъ авторъ и обращается, но пользуется ими не вполнѣ удачно. Желая доказать, что власть и авторитетъ вел. князя Московскаго по отношенію къ князьямъ удѣльнымъ съ теченіемъ времени увеличивались, авторъ для этого доказательства ссылается на тексты хронологически расположенныхъ будто бы имъ княжескихъ грамотъ. Между тѣмъ на провѣрку оказывается, что авторъ не только нарушаетъ хронологію, но что и тексты приведены далеко не всегда съ надлежащимъ вниманіемъ и историческою критикою, а вслѣдствіи этого рушится вся историческая часть его изслѣдованія.

Именно, авторъ начинаетъ съ духовной Ивана Калиты, причемъ говоритъ, что въ этой духовной „отношенія старшаго къ младшимъ" князьямъ выражаются такъ: старшій долженъ быть „печальникомъ" младшихъ, быть имъ „въ отца мѣсто", „держать ихъ въ братствѣ безъ обиды"; въ скобкахъ ссылка: „См. Собр. Госуд. Гр. и Дог. I № 21". Между тѣмъ въ дѣйствительности въ этой духовной вел. князь лишь приказываетъ своему сыну Симеону братью его молодшую и княгиню свою съ единственнымъ порученіемъ: „по Бозѣ ты имъ будешь печалникъ". Откуда же авторъ взялъ поставленныя имъ въ ковычки выраженія: „въ отца мѣсто" и о держаніи „въ братствѣ безъ обиды?" Просматриваемъ духовныя великихъ князей и оказывается, что выраженія эти взяты изъ духовныхъ Донскаго и *Василья Темнаго* [1]). А произошло это смѣшеніе повидимому оттого, что въ Русской Исторіи Бестужева-Рюмина на стр. 437—438 выраженія всѣхъ трехъ грамотъ соединены вмѣстѣ, хотя впрочемъ ссылки на самыя грамоты у Бестужева раздѣлены—духовная Калиты цитирована отдѣльно, а Донскаго и Темнаго отдѣльно.

Послѣ этой первой путаницы въ хронологіи слѣдуетъ вторая. Документомъ для характеристики *второй*, по мнѣнію автора, стадіи въ разростаніи власти Московскаго великаго князя авторъ выбираетъ *вто-*

---

[1]) Въ духовной Темнаго: „а вы, мои дѣти, живите за одинъ.... чтите и слушайте своего брата старѣйшаго Ивана въ мое мѣсто, своего отца, а сынъ мой Иванъ держитъ своего брата Юрья и свою братью меньшую въ братствѣ безъ обиды". (С. Г. Гр. и Дог. № 86). То же въ духовной в. кн. Ивана Васильевича, по конецъ: „въ братствѣ и во чти безъ обиды".

рой договоръ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1380 г. (С. Г. Гр. и Дог. № 33), постановлявшій: „быть вы за одинъ и имѣти ему (Владиміру) меня отцомъ, а сына моего кн. Василья—братомъ старшимъ, а кн. Юрья—братомъ, а дѣти мои меньшихъ—братьею молодшею". Изъ этой цитаты въ связи съ предшествовавшею авторъ дѣлаетъ выводъ, что „во взаимныхъ отношеніяхъ признается авторитетъ старшаго въ родѣ и отъ него уже идетъ рядъ градацій по старшинству; на этомъ признаніи авторитета старшаго въ родѣ и ограничиваются пока обязанности младшихъ князей по отношенію къ старшему". Прежде всего нужно замѣтить, что выводъ этотъ нисколько не соотвѣтствуетъ выраженіямъ документа, въ которомъ напротивъ родовыя отношенія и старшинство совершенно извращаются. Въ грамотѣ 1388 г. мы именно видимъ перенесеніе *терминовъ* родоваго старшинства въ политическія отношенія и искуственное измѣненіе этого старшинства; примѣнительно къ политическимъ отношеніямъ въ грамотѣ этой устанавливается (и замѣтимъ впервые) преимущество племянника передъ дядею: Донской признается отцомъ своего двоюроднаго брата, Василій Дмитріевичъ — старшимъ братомъ относительно своего дяди Владиміра Андреевича, слѣдующій сынъ Донскаго Юрій — равнымъ братомъ Владиміра и лишь младшіе сыновья Дмитрія — младшими братьями своего дяди. Затѣмъ ошибочно и мнѣніе автора, будто „на этомъ признаніи авторитета старшаго въ родѣ ограничиваются пока обязанности младшихъ князей по отношенію къ старшему". Это признаніе „авторитета" было вовсе не исключительно родственное, но выражалось и въ соотвѣтствѣнномъ *договорномъ* политическомъ подчиненіи и вообще въ политическихъ отношеніяхъ къ старшему князей, признаваемыхъ младшими, напр. въ обязательномъ участіи ихъ въ походахъ вел. князя, въ общности друзей и враговъ, въ обязательствѣ не сноситься самостоятельно съ ордой и т. п., какъ о томъ свидѣтельствуютъ *всѣ* договорныя грамоты не исключая и настоящей [1])? Впрочемъ даже въ самой цитированной авторомъ грамотѣ, кромѣ приведеннаго авторомъ мѣста, отношенія Донскаго къ Владиміру опредѣляются еще слѣдующими словами: „а добра ти (Владиміру) мнѣ хотѣти и моимъ дѣтемъ во всемъ, *а служити ти мнѣ безъ ослушанія*".

---

[1]) Этимъ обстоятельствомъ, т. е. необходимостью юридически опредѣлить политическія, государственныя отношенія князей-родственниковъ, объясняется, конечно, и существованіе договоровъ между великими и удѣльными князьями. Характеристику договорныхъ политическихъ отношеній князей см. у Сергѣевича, Лекціи стр. 282, Чичерина, Опыты по ист. рус. права.

Идемъ далѣе. Охарактеризовавъ такимъ образомъ отношеніе вел. князя къ младшимъ князьямъ на основаніи духовной Калиты и договора 1388 г. авторъ продолжаетъ: „*Позднѣе*, въ договорѣ того же Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ и съ Васильемъ Ярославичемъ [1]) встрѣчаемъ уже слѣдующія условія: „держати ти подо мною княженіе мое великое честно и грозно“ и „тобѣ, брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанія по згадцѣ (т. е. по соглашенію), а мнѣ тобѣ кормити по твоей службѣ“. Этою цитатою авторъ желаетъ показать *дальнѣйшее* развитіе и усиленіе власти московскаго вел. князя. А между тѣмъ она взята изъ договора 1362 года и слѣд. на цѣлыхъ 26 лѣтъ старѣе договора 1388 г., который авторъ считаетъ больше мягкимъ. Впрочемъ это послѣднее мнѣніе автора основано на простомъ недоразумѣніи и недосмотрѣ, такъ какъ условіе о „службѣ безъ ослушанія“ мы находимъ одинаково въ обоихъ договорахъ, а о кормленіи по службѣ только въ болѣе раннемъ—1362 г., который авторъ считаетъ болѣе позднимъ и затѣмъ ни въ одномъ позднѣйшемъ договорѣ это послѣднее условіе уже не встрѣчается,—очевидно, какъ непримѣнимое къ отношеніямъ вел. князя къ удѣльнымъ. Впрочемъ мы думаемъ, что договоры Донскаго съ Владиміромъ едва ли могутъ даже быть признаны правильнымъ, нормальнымъ выраженіемъ отношеній вел. князя къ младшему, такъ какъ договоръ 1362 г. (болѣе строгій) былъ заключенъ, когда Дмитрію было 12, а Владиміру 9 лѣтъ, а договоръ 1388 г.—послѣ происходившаго между ними размирья. Въ самомъ дѣлѣ, въ договорахъ съ тѣмъ же Владиміромъ Андреевичемъ в. кн. Василія Дмитріевича (№ 35 и 38) нѣтъ обязательства держать вел. князя грозно, вел. кн. обязывается держать Владиміра въ чести и братствѣ безъ обиды и Владиміръ освобождается даже отъ обязанности идти въ походъ, если не пойдетъ въ походъ и вел. князь, и условія этого договора стороны клялись исполнять за себя и за дѣтей своихъ. Можно привести и еще примѣры: въ договорѣ в. кн. Василья Дмитріевича съ братомъ его, кн. Юрьемъ Звенигородскимъ (ок. 1390 г.) мы читаемъ: „а тобя, князь великіи, держати въ старшинствѣ по душевной грамотѣ отца своего; и тобѣ, князь великій, также меня держать въ братствѣ и во чти, безъ обиды, а

[1]) Донской умеръ въ 1389 г., а Василій Ярославичъ родился въ 1394 г. Впрочемъ въ Русской Исторіи Бестужева-Рюмина на стр. 439 въ примѣчаніи есть тоже подобная ссылка: „См. № 27, тоже въ договорѣ съ Васильемъ Ярославичемъ“, которая быть можетъ и привела автора къ злополучному мнѣнію, что Донской заключалъ договоръ съ Васильемъ Ярославичемъ.

меня ти жаловати и печаловатись мною и моею вотчиною" [1]. Въ подобныхъ же выраженіяхъ формулированы отношенія вел. князя къ удѣльнымъ и въ договорѣ Василья Дмитріевича съ его братьями Андреемъ и Петромъ (1405 г.) [2]. Наконецъ, въ договорѣ в. кн. Василія Ивановича и сына его в. кн. Ивана съ братомъ его Юріемъ Ивановичемъ (24 авг. 1531 г.) читаемъ: „А намъ тобя жаловати и держати въ братствѣ и въ любви и во чти безъ обиды и печаловатися тобою и твоею отчиною". (С. Г. Гр. и Д. № 160 — 161). Впрочемъ, изъ сличенія договоровъ, въ которыхъ этотъ терминъ употребленъ съ договорами, въ которыхъ его нѣтъ, мы видимъ, что въ нихъ условія почти одни и тѣ-же: на князей, которые обязывались держать вел. княженіе честно и грозно, не налагается никакихъ особенныхъ обязанностей; слѣд. выраженіе это заключало въ себѣ лишь признаніе нѣкотораго превосходства положенія: удѣльный князь обязывался лишь блюсти честь вел. князя, отдавать ему должный почетъ и бояться эту честь нарушить, бояться ее обидѣть, точно такъ же, какъ взаимно и вел. князь *всегда* обязывался держать удѣльнаго въ чести и не обидѣть его и его владѣній. Условіе было слѣд. обоюдное и на сторонѣ вел. князя былъ только бо́льшій почетъ, превосходство положенія, которое обозначалось и выраженіями болѣе почтительными.

Замѣтимъ еще, что авторъ придаетъ преувеличенное значеніе выраженіямъ договора, что Владиміръ Андреевичъ обязывался „служить безъ ослушанія", и вел. князь обѣщалъ ему „кормить его по его службѣ". Дѣло въ томъ, что условіе о службѣ формулировано въ договорѣ 1362 г. такъ: „служить безъ ослушанія *по згадцѣ* (т. е. по соглашенію), *како будетъ мнѣ слично и тобѣ*",—формулировка, представляющая даже нѣкоторое внутреннее противорѣчіе, такъ какъ въ основу службы положенъ договоръ, соглашеніе, згадка, а не воля вел. князя. Договоръ же возможенъ только между равными. Онъ и является основою междукняжескихъ отношеній до XVI вѣка. Въ позднѣйшихъ договорахъ и „служба" эта опредѣлена точнѣе, хотя этотъ терминъ и не употребляется (быть можетъ какъ неприличный въ примѣненіи къ неслужилымъ князьямъ). Подъ службой этой разумѣлась исключительно ратная служба, основанная опять такъ на условіи о единачествѣ противъ враговъ. Объ этой ратной службѣ, и даже съ

---

[1]) Акт. Арх. Экс. I № 10.

[2]) С. Гр. и Д. I № 37.

оговоркой „безъ ослушанія“ мы встрѣчаемъ постоянное условіе во всѣхъ *договорахъ* вел. князей съ удѣльными [1]).

Наконецъ, для характеристики княжескихъ отношеній и дальнѣйшаго развитія великокняжеской власти при Василіи Васильевичѣ Темномъ авторъ цитируетъ выраженіе, находящееся въ договорной грамотѣ Темнаго съ кн. Васильемъ Ярославичемъ Боровскимъ, писанной ок. 1448 г.—„а добьетъ челомъ мнѣ, великому князю, братъ мой молодшей“,—и на основаніи этой фразы дѣлаетъ окончательный выводъ о томъ, какъ „великіе князья московскіе, начиная съ Ив. Калиты и кончая Василіемъ Темнымъ, все болѣе и болѣе увеличивали свой авторитетъ и стремились подчинить себѣ мелкихъ удѣльныхъ князей: „при Калитѣ на первомъ планѣ выступаютъ родственныя отношенія, черезъ сто же лѣтъ, при Темномъ, удѣльный князь уже превращается въ челобитчика, котораго великій князь „кормитъ по заслугамъ“. Не говоря уже о томъ, что въ договорѣ 1448 г.[2]) нѣтъ ни слова о кормленіи по заслугамъ, нужно принять во вниманіе при оцѣнкѣ юридическаго значенія послѣдней цитированной авторомъ фразы, тѣ княжескія отношенія, къ которымъ они относятся. Мы уже сказали, что она находится въ договорѣ Темнаго съ княземъ Боровскимъ, но относится она не къ договаривающимся князьямъ и ихъ взаимнымъ отношеніямъ, а къ Дмитрію Шемякѣ, въ договорѣ никакого участія не принимавшему, но съ которымъ Темный былъ въ постоянной враждѣ. Вставлена же эта фраза въ договоръ по поводу Суходола и Краснаго Села—бывшихъ владѣній Шемяки, отнятыхъ у него Темнымъ и отданныхъ послѣднимъ Василію Ярославичу,—именно Темный и Василій Ярославичъ договариваются на возможный случай челобитья Шемяки касательно возвращенія ему этихъ владѣній. Думаемъ, что такого рода „челобитіе“, покорная просьба младшаго князя старшему, который долженъ былъ быть для него въ отца мѣсто, было бы вполнѣ совмѣстимо и съ междукняжескими отношеніями не только временъ, Калиты, но и болѣе раннихъ. Въ данномъ же случаѣ этотъ терминъ, будучи примѣненъ заглазно къ Шемякѣ, ровно ничего не доказываетъ. Впрочемъ авторъ, самъ того не подозрѣвая, собственными же руками уничтожаетъ его значеніе: именно, въ своихъ выводахъ о приниженномъ положеніи удѣльныхъ князей при Василіи Темномъ онъ дѣлаетъ исключеніе для Шемяки (ради своихъ нумизматическихъ соображе-

---

[1]) Обычная форма: „а гдѣ ти, господине, всѣсти будетъ на конь или ти будетъ куды насъ послати, и намъ пойти безъ ослушанія“.

[2]) И въ другихъ договорахъ Темнаго, насколько они намъ извѣстны.

ній) и говоритъ (на стр. 13), что „всѣ договоры Темнаго съ Шемякой написаны въ тонѣ значительно болѣе мягкомъ, чѣмъ съ прочими удѣльными князьями и что въ договорахъ этихъ Шемяка является союзникомъ почти равноправнымъ и о служебной роли челобитчика нѣтъ и помина“....

Тотъ подборъ текстовъ, который дѣлаетъ авторъ, мы считаемъ неудачнымъ, такъ какъ онъ не можетъ служить матеріаломъ для доказательства той мысли, которую онъ желаетъ ими подкрѣпить—о коренномъ измѣненіи междукняжескихъ отношеній въ періодъ времени *отъ Калиты до Темнаго* включительно. Намъ кажется, что авторъ не *искалъ* въ историческихъ памятникахъ разрѣшенія занимающаго его вопроса, что пользуясь выдержками изъ княжескихъ грамотъ онъ не искалъ въ нихъ рѣшенія на заданный имъ себѣ вопросъ, а пригонялъ отысканный имъ историческій матеріалъ къ заранѣе составленному рѣшенію. Какъ мы уже могли замѣтить изъ приведенныхъ нами выше словъ автора, онъ обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на фактъ совпаденія періода чеканки двуименныхъ монетъ съ періодомъ уничтоженія самостоятельности удѣловъ Москвы и вотъ онъ употребляетъ всѣ усилія къ тому только, чтобы подобрать матеріалъ для доказательства усиленія авторитета вел. князей Московскихъ по отношенію къ удѣльнымъ, не обращая надлежащаго вниманія на хронологію и на точное пониманіе юридическихъ текстовъ. И нужно замѣтить, что авторъ напрасно и искалъ подтвержденія своего основнаго положенія въ княжескихъ грамотахъ, такъ какъ извѣстно, что содержаніе договорныхъ грамотъ по многимъ пунктамъ выработалось задолго до того времени, отъ котораго сохранились подлинныя грамоты [1]), и со времени Семена Гордаго и даже Калиты и до Василья Темнаго включительно юридическій строй междукняжескихъ отношеній, какъ мы увидимъ, вовсе не подвергался особенно замѣтнымъ, бросающимся въ глаза колебаніямъ.

Вопросъ о прекращеніи чеканки монетъ удѣльными князьями слѣдуетъ разсматривать, думаемъ мы, не отдѣльно, а въ связи съ вопросомъ о началѣ чеканки ими монетъ, такъ какъ логически само собою напрашивается такъ сказ. предположеніе, что прекратиться она должна была съ прекращеніемъ тѣхъ условій, при которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ она началась. Какія же это были условія?

---

[1]) См. Сергѣевича, Лекц. по ист. рус. права, стр. 150 сл. и въ частности о „послушаніи“ младшихъ старшимъ и о держаніи старшими младшихъ „въ братствѣ и во чти“.

Несомнѣнно, что однимъ изъ главныхъ условій чеканки монетъ удѣльными князьями должна была быть ихъ самостоятельность,—они должны были пользоваться правами владѣтельныхъ, а не служебныхъ князей, т. е. владѣть своимъ княжествомъ *по праву*, а не по пожалованію и пользоваться правомъ независимаго имъ управленія. Такъ ли это было въ дѣйствительности?

Разсматривая княжескія отношенія Московской династіи съ этой точки зрѣнія и въ связи съ предполагаемымъ на основаніи археологическаго изслѣдованія дошедшихъ до насъ монетъ сѣверо-восточной Руси появленіемъ этихъ монетъ не ранѣе конца XIII в., мы ограничимся этимъ именно періодомъ. Такое ограниченіе мы находимъ вполнѣ возможнымъ даже потому, что на рубежѣ XIII и XIV в. мы имѣемъ въ лицѣ Юрья Даниловича князя, владѣвшаго не только Москвою, Коломною и Можайскомъ, но съ 1319 г. и Владимірскимъ великимъ княженіемъ. Убитый въ 1325 г. въ Ордѣ, онъ не имѣлъ сыновей, а изъ братьевъ его пережилъ одинъ только Калита, со смерти котораго въ 1341 г. и начинается собственно интересующій насъ удѣльный строй Владиміро-Московскаго великаго княженія.

Приступая къ изложенію нашего взгляда на междукняжескія отношенія въ намѣченный нами періодъ отъ Ивана Калиты до Ивана III, мы должны прежде всего замѣтить, что для опредѣленія ихъ мы будемъ пользоваться какъ духовными и договорными княжескими грамотами, такъ и лѣтописными свидѣтельствами. Но при этомъ мы признаемъ наиболѣе важнымъ для насъ юридическимъ источникомъ договоры и затѣмъ лѣтописи.

Въ самомъ дѣлѣ, проф. Чичеринъ вполнѣ справедливо отмѣтилъ [1]) преобладающій частно-правовой (а не государственный, политическій) характеръ духовныхъ грамотъ не только московскихъ великихъ князей, но и князей удѣльныхъ въ разсматриваемый нами періодъ. Какъ свои владѣнія, такъ и доходы съ нихъ (даже политическіе т. сказ.,—напр. тамгу, мыты, всѣ пошлины и т. п.) и домашній скарбъ, стада и казну Иванъ Калита напр. дѣлитъ совершенно на одинаковомъ частно-правовомъ, а не государственно-правовомъ основаніи, между сыновьями и женою, а сынъ его вел. кн. Семенъ завѣщаетъ весь свой „участокъ" своей женѣ. При этомъ удѣлы не сосредоточиваются каждый въ одномъ мѣстѣ, не округляются, а напротивъ разбрасываются черезполосно по

---

[1]) Б. Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 237 сл.

обширному иногда пространству [1]). Даже самая Москва, средоточіе московскаго княженія, не избѣгла дѣлежа и не только доходы съ нея подвергались раздѣлу между братьями—великимъ и удѣльными—князьями, но и дѣйствительное владѣніе ею [2]). Хотя старшій сынъ и получалъ болѣе крупный надѣлъ „на старшій путь", —и вообще размѣръ удѣловъ обыкновенно соотвѣтствуетъ порядку старшинства сыновей—но политическаго значенія это обстоятельство не имѣло, такъ какъ подобныя же распоряженія въ пользу старшаго сына мы находимъ и въ духовныхъ удѣльныхъ князей [3]).

Есть наконецъ примѣры, что вел. князь дѣлаетъ распоряженіе о раздѣлѣ, допуская однако передѣлъ въ случаѣ смерти одного изъ сыновей, при чемъ передѣлъ этотъ отдаетъ на полное усмотрѣніе своей вдовы—„которому что дастъ, то тому и есть: а дѣти мои изъ ея воли не выдутъ" [4]). Таковъ характеръ завѣщаній Калиты и его преемниковъ вплоть до Василія Темнаго, который подобно своимъ предкамъ дѣлитъ напр. Москву между сыновьями. Все различіе въ томъ, что удѣлъ старшаго сына—Ивана—настолько значительнѣе удѣловъ другихъ сыновей, что въ силу одного этого уже факта старшій сынъ становится сильнѣе всѣхъ своихъ братьевъ. Испытавъ на горькомъ опытѣ невыгоды необезпеченнаго матеріально старшинства великаго князя, Темный очевидно озаботился огражденіемъ своего старшаго сына отъ подобныхъ же несчастій. И лишь въ завѣщаніи Ивана III, мы впервые находимъ объединенную передачу Москвы и московскихъ принадлежностей и пошлинъ (и то за исключеніемъ одной трети) въ руки одного старшаго сына Василья—распоряженіе, очевидно обнаруживающее политическую тенденцію. Эта же тенденція выражена и въ постановленіи завѣщанія касательно перехода къ старшему сыну, т. е. вел. князю Московскому, и выморочныхъ удѣловъ младшихъ его братьевъ.

---

[1]) Напр. въ завѣщаніи Донскаго Владиміръ и Москва раздѣлены владѣніями Влад. Андреевича; Звенигородъ соединяется съ Галичемъ; Можайскъ съ Бѣлоозеромъ; Дмитровъ съ Угличомъ; а села, завѣщаемыя одному князю разбросаны въ разныхъ уѣздахъ.

[2]) Напр. Донской подѣлилъ между сыновьями только свои „два жеребья" въ Москвѣ. Впрочемъ такое же общее владѣніе главнымъ городомъ существовало и въ Тверскомъ и въ Рязанскомъ княжествѣ.

[3]) Напр. Владиміра Андреевича (№ 40).

[4]) Завѣщаніе Донскаго (№ 34).

Вообще относительно дѣленія и распредѣленія владѣній князя-завѣщателя между сыновьями (и женщинами-наслѣдницами) Чичеринъ отрицаетъ сколько-нибудь твердо установленный порядокъ въ разсматриваемый нами періодъ [1]). Это было дѣло чисто личное. Даже относительно порядка наслѣдованія: Владиміръ Андреевичъ постановляетъ, что по смерти бездѣтнаго сына вотчину его получаетъ въ пожизненное владѣніе вдова послѣдняго, Донской же напротивъ приказываетъ выморочный удѣлъ дѣлить между остальными братьями, исключая удѣлъ старшаго сына, который цѣликомъ переходитъ къ слѣдующему брату. Далѣе, Владиміръ Андреевичъ велѣлъ сыновьямъ послѣ смерти вдовы дѣлить выморочный удѣлъ поровну; Донской же предоставилъ въ этомъ случаѣ полную волю своей женѣ, какъ главѣ семейства.

Личная воля завѣщателя имѣла рѣшающее значеніе въ распоряженіи княженіями, такъ какъ на свои владѣнія князья смотрѣли какъ на свою частную собственность, какъ на свои „вотчины", которыя они отдавали въ наслѣдство, дѣлили, промѣнивали, продавали и покупали на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и отдѣльныя села и какъ всякое частное имущество. Характерное исключеніе представляетъ собою великое княженіе. Ни Иванъ Калита, ни его ближайшіе преемники до Донскаго не назначаютъ себѣ преемника въ вел. княженіи, а Василій Дмитріевичъ назначаетъ себѣ преемникомъ сына Василья лишь условно, съ оговоркою: „а дастъ Богъ сыну моему великое княженіе".

Тоже слѣдуетъ сказать и о распоряженіяхъ моск. вел. князей касательно взаимныхъ отношеній ихъ сыновей—князей удѣльныхъ. Обыкновенно старшему брату поручается забота о младшихъ, но подобнаго же рода порученія давались и другимъ великимъ князьямъ—тверскимъ и даже литовскимъ [2]). Въ первой духовной Калиты поручается старшему забота о младшихъ, а во второй этого порученія даже нѣтъ. Семенъ Ивановичъ приказываетъ своимъ братьямъ жить за одинъ и слушаться митрополита Алексѣя и старыхъ бояръ. Наконецъ, въ духовной Донскаго мы читаемъ: „Даю рядъ сынамъ своимъ и своей княгинѣ, а вы, дѣти мои, живите заодинъ и матери своей слушайте во всемъ, изъ ея воли не выступайтеся ни въ чемъ". Это приказаніе повторяется нѣсколько разъ въ духовной, между прочимъ и по поводу предоставленнаго Донскимъ своей вдовѣ права, въ случаѣ смерти котораго либо изъ сыновей, по своему усмотрѣнію распре-

---

[1]) Чичеринъ, Опыты стр. 265 сл.

[2]) Василій Дмитріевичъ поручаетъ сына Витовту и младшимъ братьямъ, Темный—Казиміру и т. п.

дѣлить его владѣнія между остальными братьями или совершить передѣлъ, если у котораго изъ сыновей часть его владѣнія отойдетъ по какому либо случаю. Затѣмъ на второмъ уже планѣ ставится въ завѣщаніи Донскаго приказаніе младшимъ братьямъ чтить и слушать старшаго брата въ мѣсто отца, а старшему держать братью молодшую въ братствѣ безъ обиды. Замѣтимъ, что совершенно тѣ же самыя права матери и тѣ же отношенія къ матери вдовѣ и между братьями установлены въ завѣщаніи Темнаго. Отсюда Чичеринъ дѣлаетъ совершенно справедливый выводъ [1]), что этого рода наставленія въ княжескихъ духовныхъ имѣютъ характеръ чисто семейный, а не государственный, —подобныя наставленія даетъ дѣтямъ всякій частный человѣкъ, лежа на смертномъ одрѣ. О государственномъ подчиненіи младшихъ старшему здѣсь не можетъ быть и рѣчи. И лишь въ духовной Ивана III это подчиненіе облекается въ осязательную политическую форму: „А который сынъ мой не учнетъ сына моего Василья слушаться во всемъ или учнетъ подъ нимъ подыскивати великихъ княжествъ или подъ его дѣтьми, или учнетъ отъ него отступати или учнетъ ссылатися съ кѣмъ нибудь на его лихо, или учнетъ кого на него подымати, или съ кѣмъ учнетъ на него одиначитися, ино не буди на томъ милости Божіей“ и т. д. Но отцовское увѣщаніе и религіозно-нравственная угроза были недостаточною гарантіею исполненія приказа отца и потому Иванъ III велитъ Василію заключить съ братомъ Юріемъ письменный договоръ, которымъ опредѣлялись бы ихъ взаимныя отношенія. Окончательное же и рѣшительное государственное подчиненіе младшихъ сыновей старшему „какъ ему любо“ мы видимъ лишь въ духовной Грознаго. Ко временамъ Ивана III относится и признаніе этого государственнаго верховенства вел. князя удѣльнымъ. Именно въ духовной Бориса Васильевича Волоцкаго (1477 г.) мы читаемъ: „Приказываю своему *господину и господарю* и брату старѣйшему вел. кн. Ивану Васильевичу и сыну его господину вел. кн. Ивану Ивановичу, *какъ имъ Богъ положитъ на сердца*, жаловати и печаловатися моимъ сыномъ Федоромъ и моею княгинею и моими дѣтьми“.

Такимъ образомъ духовныя княжескія грамоты даютъ намъ слишкомъ шаткій матеріалъ для опредѣленія и оцѣнки политическихъ, государственныхъ, и даже юридическихъ междукняжескихъ отношеній и разъясненія этихъ отношеній мы можемъ искать лишь въ княжескихъ до-

---

[1]) Опыты, стр. 286 сл.

говорахъ,—духовныя грамоты могутъ служить въ этомъ случаѣ лишь дополнительнымъ матеріаломъ.

Обращаемся къ разсмотрѣнію этихъ отношеній.

Какъ извѣстно изъ дошедшей до насъ духовной грамоты Калиты [1]), онъ раздѣлилъ не только свое движимое имущество, но и всѣ свои владѣнія между тремя своими сыновьями и женою, при чемъ вмѣстѣ съ уступкою владѣльческихъ правъ на эти владѣнія переходили на наслѣдниковъ и права его, какъ владѣтельнаго князя, т. е. права независимаго управленія и суда въ розданныхъ имъ городахъ и волостяхъ. Съ такими правами независимаго управленія получили Семенъ Можайскъ и Коломну, Иванъ Звенигородъ и Рузу, Андрей Серпуховъ; самая Москва была передана имъ въ общее владѣніе [2]). А такъ какъ относительно великаго княженія въ духовной не сдѣлано, къ тому же, никакого постановленія [3]) то слѣд., юридически и политически *всѣ* сыновья Калиты въ своихъ правительственныхъ правахъ относительно завѣщанныхъ имъ удѣловъ были равны,—младшіе князья возводились духовною наравнѣ со старшимъ въ достоинство владѣтельныхъ князей. Что это такъ, доказываетъ договоръ, заключенный братьями-наслѣдниками „у отня гроба“ [4]), послѣ того какъ Семенъ пожалованъ былъ Азбякомъ царемъ (т. е. ханомъ Узбекомъ) на великое княженіе [5]) По свидѣтельству лѣтописца (впрочемъ — не современника [6]) „всѣ князи русскіе подъ руцѣ его даны“. Насколько вѣрно это свидѣтельство — сказать трудно; оно можетъ быть и продуктомъ позднѣйшихъ взглядовъ на Московскаго великаго князя [7]). Во всякомъ случаѣ въ договорѣ князей братьевъ 1341 г. мы такого подчиненія не видимъ, несмотря на то, что въ немъ Семенъ титулуетъ себя великимъ княземъ„ всея Руси“. Младшіе князья, правда, признаютъ Семена великимъ

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. № 21 и 22, писанный ранѣе 1341 года.

[2]) „Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву“.

[3]) Это право распоряженія вел. княженіемъ принадлежало хану и Калита всегда былъ послушенъ Ордѣ.

[4]) С. Г. Гр. и Д. I № 23,

[5]) Никон. III, 172.

[6]) Воскрес. (П. С. Р. Л. VII, 206) и Софійск. (тамъ же V, 222). Троицкая, Новгородскія и Тверскія лѣтописи (тамъ же I, 230; III, 79 и 131; XV, 422), а также Никон. объ этомъ умалчиваютъ.

[7]) Въ духовной Калиты отношенія между братьями не опредѣлены; онъ лишь „приказалъ“ младшихъ сыновей старшему: „по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ“.

княземъ; но этимъ, подкрѣпленнымъ крестными цѣлованіями договоромъ они, съ другой стороны, обезпечивали за собою свою удѣльную независимость, т. е. независимость управленія своими удѣлами и свои права, какъ владѣтельныхъ князей. Именно, они обязываются лишь быть съ нимъ „за одинъ до живота", имѣть съ нимъ общихъ друзей и враговъ, и въ случаѣ войны, „всѣсти на конь безъ ослушанія". Обѣщаясь „одностороние не доканчивать" ни съ кѣмъ, младшіе братья берутъ такое же обязательство и съ великаго князя. Все это — условія политическія. За то младшіе братья берутъ съ вел. князя обязательство и крестное цѣлованіе соблюдать и душевную грамоту „отца": „како ны отецъ нашъ раздѣлъ далъ, того ти подъ нами блюсти, а не обидѣти"; далѣе, взаимно обязуются не вмѣшиваться во внутреннее управленіе удѣлами каждаго, а что всего важнѣе,—младшіе берутъ съ вел. князя обѣщаніе не распоряжаться ихъ удѣлами въ случаѣ ихъ смерти и не отнимать у дѣтей умершаго ничего, чѣмъ благословилъ кого Калита по раздѣлу [1]). Не знаемъ, первый ли это примѣръ узаконенія наслѣдственности княженій, но онъ для насъ важенъ въ виду послѣдующихъ фактовъ. Въ силу этого договора признана наслѣдственность удѣловъ; распредѣленіе городовъ и волостей остается согласное завѣщанію Калиты и младшіе предоставляютъ Семену „на старѣйшинство" преимущество лишь въ нѣкоторыхъ доходныхъ статьяхъ (тамгѣ).

Таковъ первый дошедшій до насъ договоръ вел. князя Семена „всея Руси" съ братьями—князьями удѣльными. Соотвѣтственно основному понятію о договорѣ, какъ свободномъ соглашеніи между двумя лицами, выражающими свою свободную волю относительно какого либо *взаимнаго* обязательства для установленія ихъ взаимныхъ юридическихъ отношеній, этотъ договоръ точно и опредѣленно формулируетъ *взаимныя* права и обязанности великаго князя и князей удѣльныхъ. Шаткія родственныя междукняжескія отношенія получаютъ здѣсь опредѣленное государственное содержаніе, а самый фактъ договора показываетъ: 1) что эти политическія отношенія, а въ томъ числѣ слѣд. и всѣ политическія обязательства младшихъ князей относительно старшихъ не предполагались сами собою, а требовали особаго сво-

[1]) „Кого изъ насъ Богъ отведетъ, печаловати *княгинею* его и дѣтми какъ при животѣ, такъ и по животѣ, а не обидѣти тобѣ, ни имати ничего ото княгини и отъ дѣтій, чѣмъ ны кого благословилъ отецъ нашъ по роздѣлу"; и даже если кто изъ младшихъ самъ „что примыслилъ или прикупилъ къ своимъ волостямъ, и того блюсти, а не обидѣти". Замѣтимъ, что послѣ смерти князя, часть его переходитъ не только къ дѣтямъ, но и ко вдовѣ.

боднаго соглашенія, и 2) что договаривающіяся стороны должны быть признаны нами какъ вполнѣ независимыя личности. По основному понятію о договорѣ, договоромъ могутъ опредѣляться только такія юридическія отношенія, въ которыхъ оба лица не находятся въ зависимости другъ отъ друга. „Не можетъ быть договора господина съ рабомъ, государя съ подданнымъ,—говоритъ Чичеринъ [1]). Поэтому, если мы видимъ, что отношенія удѣльныхъ князей къ великому опредѣляются договорами, то уже изъ этого обстоятельства мы въ правѣ заключить, что великій князь не государь, а удѣльный не подданный [2]),—это свободныя лица, соединенныя довольно шаткою родственною связью и вступающія въ добровольныя взаимныя обязательства".

Идемъ далѣе. Умирая Семенъ, согласно только что приведенному договору, завѣщаетъ [3]) свой удѣлъ „чѣмъ его благословилъ отецъ" и что самъ прикупилъ—„своей княгинѣ" (и послѣ нея—сыну), и поручаетъ ее попеченію („приказываю") братьевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ особо подтверждаетъ и силу этого договора, т. е. содержащіяся въ немъ постановленія о политическихъ, государственныхъ отношеніяхъ между братьями [4]). Вопросъ о великомъ княженіи Владимірскомъ, какъ и въ духовной Калиты, не упоминается и опять, слѣд., предоставляется на рѣшеніе хана. Приказъ — жить братьямъ за одинъ „по отца нашего благословенью" не имѣетъ прямого политическаго значенія.

Послѣ смерти Семена, ханъ пожаловалъ великое княженіе старшему за нимъ брату Ивану Ивановичу [5]). Никакихъ договоровъ его съ братомъ Андреемъ до насъ не дошло. Несомнѣнно, что „кроткій и

---

[1]) Опыты, стр. 298 сл.

[2]) Проф. Сергѣевичъ (Лекц. по ист. Рус пр. стр. 209) говоритъ напр. „При отсутствіи подчиненія въ силу государственнаго устройства, наименованіе господиномъ и вел. княземъ не могло выражать подчиненія: для этого былъ необходимъ договоръ, которымъ была бы установлена форма и объемъ подчиненія". Вообще наименованіе удѣльными князьями великаго „господиномъ" означало не болѣе, какъ знакъ уваженія, который не влекъ за собою никакихъ обязанностей: Новгородцы называютъ „господиномъ" князя Бориса Александровича Тверскаго, отъ котораго они нисколько не зависѣли. (С. Г. Гр. и Д. № 18).

[3]) С. Г. Гр. и Д. I, № 24.

[4]) „Положилъ есьмъ на Бозѣ и на васъ, на своей братіи, *тако имете блюсти по нашему докончанью*, како тогды мы цѣловали крестъ у отня гроба".

[5]) Сыновья Симеона къ этому времени, впрочемъ, умерли. Претендентомъ въ Ордѣ на великокняжескій столъ явился кромѣ Ивана только Константинъ Васильевичъ суздальскій.

тихій и милостивый" великій князь соблюдалъ приказъ отца и старшаго брата. Хотя, судя по его духовной, онъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ удѣлъ, завѣщанный Симеономъ своей вдовѣ (дѣти умерли въ малолѣтнемъ возрастѣ), т. е. Можайскъ и Коломну, но по смерти Андрея Ивановича Серпуховскаго [1]) удѣлъ послѣдняго и его треть въ московск. намѣстничествѣ и въ московскихъ доходахъ согласно договору братьевъ „у отня гроба", установившему переходъ волостей по прямой линіи, перешли къ сыну его—Ивану, а по смерти послѣдняго (1358 г.)—къ Владиміру Андреевичу, и этотъ переходъ подтвержденъ духовною Ивана Ивановича [2]). Какимъ образомъ совершилось присоединеніе къ Москвѣ удѣла вдовствующей княгини Маріи Можайской—неизвѣстно. Судя по духовной Ивана Ивановича, дѣти Андрея никакого вознагражденія за это приращеніе удѣла Ивана Ивановича при немъ не получили, быть можетъ вслѣдствіе своего малолѣтства [3]). Какъ бы то ни было, свою вотчину и удѣлъ княгини Маріи (в. кн. Семена) Иванъ Ивановичъ подѣлилъ между своими сыновьями Дмитріемъ и Иваномъ, при чемъ старшему сыну Дмитрію завѣщанъ бывшій удѣлъ в. кн. Семена: Можайскъ и Коломна съ волостями, а Ивану—собственная вотчина Ивана Ивановича—Звенигородъ и Руза. Вопросъ о вел. княженіи, по прежнему, предоставленъ на рѣшеніе хана. Не представляя, такимъ образомъ, ничего новаго въ распредѣленіи волостей, за исключеніемъ развѣ только иной формулировки вопроса о владѣніи Москвою и московскими доходами [4]), духовная эта не лишена однако для насъ особаго интереса въ одномъ отношеніи, именно въ томъ, что она, въ дополненіе къ договору „у отня

---

[1]) Онъ умеръ мѣсяцъ спустя по смерти брата, вел. кн. Семена, въ іюнѣ 1353 г.

[2]) С. Г. Гр. и Д. № 25 и 26.

[3]) Иванъ род. не ранѣе 1345 г. и умеръ въ 1358 г., а Владиміръ род. въ 1353 г. Отъ Дм. Донскаго онъ получилъ вслѣдствіе завѣщаній Калиты и Ив. Ивановича треть изъ волостей княгини Ульяны, второй жены Калиты. (Объ ней см. Экземплярскаго I, стр. 79 прим. 208 и II, стр. 292 пр. 781). А что присоединеніе удѣла в. князя Семена къ удѣлу в. кн. Ивана было неправильно, на это намекаетъ договоръ Донскаго съ Владиміромъ (№ 27), въ которомъ сдѣлана оговорка: „А что мя благословилъ отецъ мой кн. вел. Иванъ удѣломъ дяди моего кн. вел. Семеновымъ, того ти не искати".

[4]) „Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ кн. Дмитрію и кн. Ивану, а братаничу моему кн. Володимеру на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть и въ тамзѣ, въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городскихъ треть".

гроба“ выясняетъ владѣльческія права князей въ ихъ удѣлахъ: какъ послѣ перечисленія волостей удѣла кн. Дмитрія, такъ и Ивана именно указывается, что они передаются „съ бортью и съ тамгою и съ мытомъ и со всѣми пошлинами“, а что „князь Владиміръ *вѣдаетъ* уѣздъ отца своего“. Это послѣднее категорическое „вѣдаетъ“ вполнѣ выясняетъ независимый характеръ управленія князей удѣлами, особенно въ связи съ перечисленіемъ *всѣхъ* пошлинъ, въ томъ числѣ слѣд. и судебныхъ, указывающимъ на независимость князей между прочимъ и въ правѣ суда и управленія.

Отъ временъ княженія Дмитрія Ивановича до насъ дошли только три договорныхъ грамоты съ удѣльными князьями,—всѣ три съ однимъ Владиміромъ Андреевичемъ. Тѣмъ не менѣе и изъ этихъ договоровъ можно вывести довольно ясное заключеніе объ отношеніяхъ между вел. княземъ и княземъ удѣльнымъ въ разсматриваемое нами время, особенно, если принять во вниманіе тѣ обстоятельства, при которыхъ эти договоры заключены. Такъ первый договоръ [1])—относится къ такому времени, когда оба князя—и Дмитрій, и Владиміръ—были еще малолѣтними; слѣд. договоръ былъ редактированъ не самими князьями, а боярами и митрополитомъ. Думаемъ, что это обстоятельство не осталось безъ вліянія на формулировку въ договорѣ княжескихъ отношеній. Какъ извѣстно, и высшее духовенство въ разсматриваемый нами періодъ, и боярство были сторонниками объединительной политики въ московскомъ княжествѣ [2]). Этимъ обстоятельствомъ мы объясняемъ нѣкоторыя характерныя выраженія въ разсматриваемомъ нами договорѣ. Такъ, мы читаемъ въ немъ: „Быти ны за одинъ; имѣти ми брата своего старѣйшего вел. князя Дмитрія въ отца мѣсто; а жити ны по тому, какъ то отци наши жили съ братомъ своимъ съ старѣйшимъ, зъ дядею нашимъ со княземъ великимъ Семеномъ“. Повидимому полное подтвержденіе старинныхъ отношеній, а между тѣмъ общая формулировка этихъ отношеній дается такая: „А тобѣ, брату моему молодшему кн. Володимеру держати ти подо мною княженіе мое

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. I, № 27 (по мнѣнію издателей — 1362 г., а по мнѣнію Карамзина—1364 г.).

[2]) „Подъ 1362 г. лѣтопись повѣствуетъ о томъ, что вел. кн. Дмитрій согналъ съ галицкаго княженія князя Дмитрія и взялъ свою волю надъ князьями ростовскими и суздальскими. Кто это сдѣлалъ? Дмитрію Ивановичу было тогда всего 12 лѣтъ. Это сдѣлали его бояре. Очевидно, среди нихъ живетъ еще старая идея о цѣлости Ростовско-Владимірской области и они начинаютъ возстановлять старыя границы этой волости“. Сергѣевичъ, Рус. юрид. древ. I, 64.

великое честно *и грозно,* а добра ти мнѣ хотѣти во всемъ, а мнѣ вел. князю тобе брата своего держати безъ обиды". Это выраженіе „*грозно*" мы встрѣчаемъ лишь въ позднѣйшихъ княжескихъ договорахъ времени Василія Темнаго. Еще характернѣе заключительныя слова договора: „А тобѣ, брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанія по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ, брату моему молодшему; *а мнѣ тобе кормити по твоей службѣ*". Какъ мы уже замѣтили, первая часть этого постановленія содержитъ въ себѣ собственно логическое противорѣчіе, въ которомъ впрочемъ столь ясно подтвержденное условіе о соглашеніи (згадцѣ) заслуживаетъ особеннаго вниманія; мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ заключительныя слова о кормленіи велик. княземъ удѣльнаго по его службѣ. Если бы принимать это выраженіе въ буквальномъ смыслѣ, то здѣсь удѣльный князь сводился бы на положеніе князя служебнаго, не вотчиннаго, а получающаго *кормленіе* и состоящаго на *службѣ* великаго князя. Такое толкованіе однако противорѣчило бы и дѣйствительнымъ отношеніямъ князей [1]), и другимъ постановленіямъ договора. Но оно характерно потому, что внесено очевидно боярами, которые къ княжескимъ отношеніямъ примѣнили термины, употреблявшіеся въ примѣненіи къ нимъ самимъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что это выраженіе въ позднѣйшихъ договорахъ болѣе уже не встрѣчается.

Мы указали на мѣста договора, любопытныя собственно потому, что они характеризуютъ взгляды и тенденцію его редакторовъ. И при всемъ томъ, обращаясь къ постановленіямъ, опредѣляющимъ права и юридическія отношенія князей, отъ имени которыхъ онъ составленъ, мы не можемъ не признать, что условіе о жизни по тому, какъ жили отцы Дмитрія и Владиміра съ вел. кн. Семеномъ не есть пустая фраза. Дѣйствительно, хотя договоромъ и пресѣкаются всякія возможныя попытки со стороны Владиміра къ отыскиванію захваченнаго вел. княземъ Иваномъ и переданнаго имъ Дмитрію удѣла в. кн. Семена, однако договоръ категорически постановляетъ: „тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина". А въ какомъ смыслѣ князьямъ „знать" свои отчины, это поясняется далѣе: князья обоюдно обязываются во взаимныхъ удѣлахъ ни самимъ, ни боярамъ ихъ селъ не покупать, закладней и оброчниковъ не держать, даньщиковъ и приставовъ не всылать, и во взаимные удѣлы грамотъ жало-

---

[1]) Такъ, Владиміръ участвовалъ вмѣстѣ съ вел. княземъ въ договорахъ съ Тверью и Рязанью.

ванныхъ не давать,—все это условія, прямо относящіяся къ огражденію независимости внутренняго управленія обоюдными вотчинами, какъ въ финансовымъ, такъ и въ судебномъ смыслѣ [1]). Мало того, эта же грамота свидѣтельствуетъ и о независимости военнаго строя: „А коли ти будетъ всѣсти со мною (вел. княземъ) на конь, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ, гдѣ кто ни живетъ (слѣд.—хотя бы они жили и во владѣніяхъ вел. князя), тѣмъ быти подъ *твоимъ стягомъ*". За тѣмъ *политическія* отношенія князей опредѣлены по старинѣ: быть за одинъ, имѣть общихъ друзей и враговъ, другъ безъ друга ни съ кѣмъ не канчивать [2]), въ случаѣ войны, посылать младшему князю своихъ воеводъ съ воеводами вел. князя безъ ослушанія и т. д. Отмѣтимъ впрочемъ впервые въ этомъ договорѣ встрѣчающееся условіе,— „а ординская тягость и проторъ дати ти мнѣ, брату своему старѣйшему съ своего удѣла по *давнымъ* сверткамъ". (Возникаетъ вопросъ—взносъ удѣльнымъ княземъ ордынской дани въ казну вел. князя по „давнымъ сверткамъ" вводитъ ли новый порядокъ взноса дани удѣльнымъ княземъ въ великокняжескую казну, или же такой порядокъ установился уже при первыхъ вел. князьяхъ Владиміро-Московскихъ? Замѣтимъ впрочемъ, что условіе объ исключительномъ правѣ вел. князя сноситься непосредственно съ Ордою было не исключительно присуще Московско-Владимірскому вел. княженію, а существовало и въ другихъ княжествахъ. Такъ, Романовскіе и Заозерскіе князья вносили ордынскую дань въ казну князей Ярославскихъ и это продолжалось даже по переходѣ Заозерья къ Москвѣ: Михаилъ Андреевичъ Верейскій, получивъ отъ Василія Темнаго половину Заозерья, обязывался платить съ нея дань по старинѣ князьямъ Ярославскимъ [3]).

Мы имѣемъ еще одинъ договоръ Донскаго съ Владиміромъ, заключенный послѣ бывшаго между ними размирья [4]). Но существеннымъ можно признать въ немъ лишь условіе о признаніи Владиміромъ своего племянника — князя Василія Дмитріевича „братомъ старѣйшимъ". Въ остальномъ, взаимныя отношенія обоихъ князей остаются преж-

---

[1]) Независимость суда была главнымъ основаніемъ условія о непокупаніи селъ въ чужомъ удѣлѣ.

[2]) Дѣйствительно, въ договорахъ Донскаго съ вел. кн. Мих. Александровичемъ тверскимъ (№ 28), съ литовскими и смоленскими князьями (№ 31) и съ рязанскимъ участвовалъ и Владиміръ.

[3]) С. Гр. и Д. № 64 (стр. 141). Въ Рязани Орду тоже вѣдаетъ только вел. князь (тамъ же № 127).

[4]) С. Гр. и Д. I, № 33—1388 г.

нія [1]). Но любопытно, что условіе о „службѣ безъ ослушанія" не только сохранено, но даже усилено (пропускомъ оговорки — „по згадцѣ") а условія о „кормленіи по службѣ" уже не находятся.

Таковы договоры Донскаго съ Владиміромъ. Такъ какъ они единственные, опредѣляющіе отношенія великаго князя къ удѣльному въ великокняженіе Донскаго, то является вопросъ,—въ какой мѣрѣ они могутъ служить вѣрнымъ показателемъ этихъ отношеній? Думаемъ, что главное значеніе ихъ въ этомъ отношеніи заключается въ томъ обстоятельствѣ, что Владиміръ Андреевичъ не имѣлъ даже права на старшинство ни въ Москвѣ, ни во Владимірѣ. Его положеніе, слѣдовательно, относительно Донскаго и даже старшаго сына послѣдняго—Василія — во всякомъ случаѣ было подчиненное, такъ какъ родовое старшинство (по отношенію къ Василію), какъ мы видѣли, утратило уже въ то время политическое значеніе. Такимъ образомъ, договоры эти едва ли предоставляли Владиміру какой либо излишекъ правъ, скорѣе наоборотъ. А слѣдовательно, если несмотря на это ими устанавливалась полная административно-судебная независимость удѣльнаго князя, то значитъ такая независимость не считалась несовмѣстимою съ правами, на какія могъ претендовать великій князь. А что эта независимость практиковалась и на дѣлѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, разсказывая, что „Князь Володимеръ Ондрѣевичъ заложи градъ Серпуховъ дубовъ въ своей отчинѣ и даде людемъ и всѣмъ купцемъ ослабу и лготу многу" и т. д.[2]).

Что касается независимости финансоваго управленія удѣльныхъ князей, то доказательство его мы имѣемъ въ духовной кн. Владиміра Андреевича Серпуховского Боровскаго[3]), который завѣщалъ свои владѣнія: Серпуховъ, Боровскъ, Ярославль, Перемышль и т. д. съ „тамгою и съ мыты и со всѣми пошлинами". Этотъ раздѣлъ былъ, замѣтимъ, поставленъ подъ охрану вел. князя.

Положеніе Владиміра Андреевича какъ князя удѣльнаго не измѣнилось и при сынѣ Донскаго — Василіи Дмитріевичѣ. По крайней мѣрѣ въ дошедшихъ до насъ двухъ договорныхъ грамотахъ [4]) между

---

[1]) Для насъ не имѣютъ значенія нѣкоторыя измѣненія въ вопросахъ о юрисдикціи (подсудности) въ Москвѣ и надъ Москвитянами, о подчиненіи обоюдныхъ бояръ въ случаѣ похода воеводѣ того князя, въ удѣлахъ котораго они живутъ и о платежѣ ими дани князю также по мѣсту жительства и т. п.

[2]) П. С. Р. Л. VIII, 21 подъ 1374 г.

[3]) С. Г. Гр. и Д. I, № 40.

[4]) С. Г. Гр. и Д. I № 35 и 38.

ними мы не находимъ не только никакихъ слѣдовъ какого либо ограниченія его правъ, какъ удѣльнаго князя, но напротивъ, можно бы скорѣе предполагать если не юридическое, то нравственное улучшеніе его положенія сравнительно со временами Донскаго. Такъ, Владиміръ обязывается держать своего племянника,—брата старѣйшаго,—„честно", но квалификаціи „грозно" нѣтъ; великій князь обязывается держать Владиміра въ братствѣ и въ чести безъ обиды. Нѣтъ также выраженія о „службѣ" вел. князю; Владиміръ освобождается отъ обязанности идти въ походъ, когда самъ Василій не идетъ. Независимость управленія установлена не только относительно наслѣдственнаго удѣла Владиміра, но и относительно возможныхъ новыхъ примысловъ его.

Такимъ образомъ, договоры Донскаго съ Владиміромъ могутъ служить показателями лишь тѣхъ отношеній вел. князя къ удѣльному, какія существовали именно только между ними [1]), и не могутъ быть признаваемы нормою или своего рода исходною точкою для опредѣленія междукняжескихъ отношеній при его преемникахъ. Сущность этихъ отношеній, политическое подчиненіе удѣльнаго князя великому, осталось, конечно, но это подчиненіе облекалось въ формы, соотвѣтствовавшія независимому положенію удѣльныхъ князей во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, а эта формальная сторона вопроса не лишена и юридическаго значенія. И вообще, разсматривая междукняжескія отношенія при Василіи Дмитріевичѣ, мы не можемъ не замѣтить, что при немъ положеніе удѣльныхъ князей ни въ какомъ случаѣ не измѣнилось къ ихъ невыгодѣ.

Доказательствомъ этому могутъ служить какъ духовная Донскаго, такъ и договоры Василія съ его братьями—удѣльными князьями.

Духовная Донскаго отличается отъ духовныхъ грамотъ его предшественниковъ на великокняжескомъ престолѣ въ сущности только тѣмъ, что онъ завѣщалъ великое княженіе и притомъ завѣщалъ его нераздѣльно одному старшему сыну Василію, а въ случаѣ смерти послѣдняго — слѣдующему сыну, опять-таки нераздѣльно. Но на ряду съ этимъ принципіальнымъ установленіемъ недѣлимости вел. княженія, Донской подобно своимъ предшественникамъ (дѣду, дядѣ и отцу) совершаетъ раздѣлъ всѣхъ остальныхъ своихъ владѣній между всѣми своими сыновьями [2]), при чемъ ставитъ имъ единственное не то по-

---

[1]) „Мы видимъ здѣсь не отношенія удѣльнаго князя къ великому, а личныя отношенія Владиміра къ Дмитрію". (Чичеринъ, Опыты стр. 304).

[2]) При этомъ относительно каждаго отдѣльнаго удѣла мы находимъ оговорку: „съ тамгою и съ мыты и съ бортью, и со всѣми пошлинами". (С. Гр. и Д. I № 34).

литическое, не то нравственное правило—быть всѣмъ за одинъ, младшимъ чтить и слушать брата старшаго „въ мое мѣсто своего отца", а старшему держать свою братью молодшую въ братствѣ безъ обиды. Ничего бо̀льшаго мы не находимъ и въ договорахъ Василія Дмитріевича съ братьями; младшіе братья обязываются держать Василія только вмѣсто отца, а Юрій Дмитріевичъ, въ отдѣльномъ договорѣ своемъ со старшимъ братомъ, обязывается держать его въ старшинствѣ—и только; нѣтъ выраженія: „честно и грозно", нѣтъ обязательства „служить" старшему брату" [1]). Соловьевъ объясняетъ это тѣмъ [2]), что „Донской имѣлъ всю возможность привести въ свою волю двоюроднаго брата, который не имѣлъ матеріальныхъ средствъ бороться съ нимъ и не имѣлъ права на старшинство ни въ Москвѣ, ни во Владимірѣ. Въ другихъ отношеніяхъ находился Василій Дмитріевичъ къ роднымъ братьямъ, которыхъ надобно было щадить, ласкать, чтобы заставить рѣшиться сдѣлать первый тяжелый шагъ — отказаться отъ старшинства въ пользу племянника. Отсюда понятно, почему въ договорахъ Вас. Дмитріевича съ братьями мы не находимъ тѣхъ рѣзкихъ выраженій, тѣхъ указаній на служебныя отношенія удѣльнаго князья къ великому, какія встрѣчаемъ въ договорахъ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ". Дѣйствительно, бо̀льшая часть великокняженія Василія Васильевича проходитъ въ борьбѣ съ дядьями, выступившими противъ него не на защиту своихъ правъ, а на возстановленіе стародавнихъ порядковъ, давно отмѣненныхъ Московскою практикою.

Между тѣмъ какъ Донской нашелъ возможнымъ завѣщать отчину свою великое княженіе старшему сыну, Василій Дмитріевичъ, завѣщая остальныя владѣнія какъ собственность, которою онъ имѣетъ полное право распоряжаться, говоритъ: „а дастъ Богъ сыну моему великое княженье, ино и язъ сына своего благословляю кн. Василья". Причина такого ограниченія заключалось въ притязаніяхъ Юрья Димитріевича на наслѣдованіе великаго княженія помимо племянника, а съ обладаніемъ вел. княжествомъ соединено было право родоваго старшинства.

Предположенію, что въ первый же годъ по смерти Василія Дмитріевича состоялось ограниченіе Василіемъ Васильевичемъ регальныхъ правъ его дядей противорѣчатъ всѣ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при коихъ совершилось вступленіе его на великокняжескій столъ. Извѣстно, напр., что уже Василій Дмитріевичъ предусматривалъ воз-

---

[1]) С. Гр. и Д. I № 35, 37; А. Арх. Эксп. I, № 10.
[2]) Соловьевъ, Ист. Рос. IV, 157.

можность соперничества съ *малолѣтнимъ* Васильемъ Васильевичемъ (ему было при смерти отца ок. 10 лѣтъ) своихъ братьевъ, а его дядей, и потому, принималъ мѣры къ предупрежденію подобныхъ смутъ. Именно, въ 1419 еще году онъ уже пытался „привести въ цѣлованіе подъ Василія, т. е привесть къ присягѣ на вѣрность своему сыну, какъ будущему вел. князю, младшаго брата своего кн. Константина Углицкаго. Константинъ, однако, воспротивился этому, говоря; „Несть сія отъ начала бывало, и ты ныне на мнѣ почто хощешь силу сотворити?“ Разгнѣванный вел. князь отнялъ у Константина его отчинный удѣлъ и Константинъ удалился въ Новгородъ. Были ли сдѣланы Василіемъ Дмитріевичемъ подобныя попытки и съ другими его братьями—изъ лѣтописей не видно. Но не лишенъ значенію тотъ фактъ, что въ своей духовной [1]) Василій Дмитріевичъ „приказалъ“, т. е. поручилъ „сына своего Василья и свою княгиню и свои дѣти своему брату и тестю вел. кн. Витовту, какъ ми реклъ на Бозѣ и на насъ, какъ ся иметъ печаловати, и своей *братьи молодшей*: кн. Ондрею Дмитріевичу и кн. Петру Дмитріевичу и кн. Семену Володимеровичу (Боровскому) и кн. Ярославу Володимеровичу (Серпуховскому) и ихъ братьѣ, *по ихъ докончанью*, какъ ми рекли“. Замѣтимъ отсутствіе въ числѣ опекуновъ-дядей назначенныхъ Василіемъ Дмитріевичемъ, князя Юрія Дмитріевича, который именно и проявилъ съ самой кончины вел. князя сопротивленіе признанію вел. княжества за своимъ племянникомъ. Такимъ образомъ вступленіе Василія Васильевича въ управленіе совершилось при такихъ условіяхъ, которыя были далеко неблагопріятны проявленію съ его стороны какихъ либо притязаній на усиленіе великокняжеской власти на счетъ князей удѣльныхъ.

Василію Дмитріевичу не удалось склонить брата Юрія къ признанію старшинства за племянникомъ. Отсюда цѣлый рядъ междоусобій въ княженіе Василія Васильевича. Эти междоусобія кончились торжествомъ новаго порядка вещей, собраніемъ удѣловъ; но разсматривая исторію этого княженія и отношеній Василія Васильевича къ удѣльнымъ князьямъ, мы не можемъ, безпрестрастно судя, не признать, что хотя его княженіе прошло въ безпрерывной борьбѣ съ князьями удѣльными, но въ этой борьбѣ нападающею стороною былъ не великій князь, а напротивъ, князья удѣльные: Юрій, Василій Косой, Шемяка и ихъ приверженцы въ родѣ Ивана можайскаго, и что при этомъ великій князь нерѣдко находился въ весьма затруднительныхъ обстоятель-

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. № 42 стр. 85.

ствахъ и потому даже не могъ слишкомъ круто поступать съ удѣльными. Споръ происходитъ не за какія либо второстепенныя права, а за само великое княженіе; этотъ споръ продолжался 25 лѣтъ и за это время положеніе Василія Василіевича было такъ непрочно, что ему въ пору было только *охранять* свои права, а никакъ не помышлять о ихъ *расширеніи* на счетъ дядей и двоюродныхъ братьевъ. Дѣйствительно, разсматривая княжескіе договоры, мы видимъ, что Юрій, принужденный съ 1431 г. отказаться отъ старшинства, хотя и называетъ племянника старшимъ братомъ, однако заключаетъ съ нимъ договоры [1]), какъ союзникъ равноправный, безъ всякаго опредѣленія, какъ онъ долженъ держать „старшаго брата" и въ чемъ должно выражаться старшинство послѣдняго. Юрій освобождается и отъ обязанности „ѣздить" къ вел. князю и отъ обязанности садиться на коня, даже когда всядетъ самъ вел. князь. Эта же неопредѣленная форма „старшинства" повторяется и въ договорахъ Василія съ Шемякою [2]) и даже съ двоюрдными братьями Андреевичами [3]). Что касается формулы держанія великаго княженія честно и грозно, то ее мы находимъ въ договорахъ съ Василіемъ Ярославичемъ (внукомъ Владиміра Андреевича), съ Шемякою [4]), и не находимъ ея въ договорахъ (первомъ) съ Андреевичами, которые играли въ междоусобіяхъ второстепенную роль.

Впрочемъ, что касается выраженія „честно и грозно", то подобно опредѣленію *старѣйшинства*, оно не означало никакого особеннаго преимущества правъ и обязанностей,—оно не сообщало никакихъ государственныхъ правъ и не налагало никакихъ государственныхъ обязанностей. „Старѣйшинство" служило,—по справедливому толкованію и Чичерина, и Сергѣевича—означеніемъ мѣста, которое князь занималъ въ средѣ другихъ, какъ въ мѣстническихъ счетахъ, — мѣсто же опредѣляло не права и обязанности, а только извѣстную честь, извѣстный почетъ. Точно такъ же и обязанность держанія честно и грозно [5]),—какъ можно заключить изъ сличенія договоровъ, въ которыхъ

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. I № 43, 44, 49, 50. Формулы: а держати ми тобя, вел. князя собѣ въ старшинствѣ, а тобѣ мене держати въ братствѣ и во чести безъ обиды.

[2]) № 54—57: А держати ми тобе вел. князя въ старѣйшинствѣ, какъ держалъ твоего отца вел. князя Василія Дмитріевича мой отецъ князь Юрьи Дмитріевичъ.

[3]) № 46.

[4]) № 45, 52—60.

[5]) Выраженіе, употреблявшееся впрочемъ и въ отношеніяхъ великаго и удѣльныхъ князей другихъ княженій, напр. Рязанскаго (С. Г. Гр. и Д. № 127).

это выраженіе употреблено, съ такими, въ которыхъ его нѣтъ, —не связывалась ни съ какими особыми обязательствами, а служила лишь выраженіемъ признанія нѣкотораго превосходства положенія, воздаванія должной чести [1]). Такой характеръ отношеній вел. князя къ удѣльнымъ соотвѣтствуетъ и основному термину „братства", лежащему въ основѣ договорныхъ междукняжескихъ отношеній: принципъ братства въ основѣ своей совпадаетъ съ понятіемъ равенства и лишь видоизмѣняется въ своихъ проявленіяхъ, но не въ существенныхъ своихъ чертахъ, квалификаціею старшинства [2]). А между тѣмъ стародавнимъ принципомъ квалифицированнаго братства опредѣляются и договорныя отношенія Василія Васильевича къ удѣльнымъ князьямъ[3]), между тѣмъ какъ обнаруживавшіе вообще болѣе честолюбивые замыслы Юрій и его сынъ Шемяка опредѣляютъ свои отношенія къ удѣльнымъ князьямъ не на принципѣ братства, а на принципѣ *отечества* и сыновства [4])

Если со стороны Темнаго предполагать стремленіе подчинить себѣ удѣльныхъ князей, то это стремленіе выразилось бы, конечно, прежде всего въ области внутренняго управленія и удѣльнаго владѣнія и затѣмъ — въ той сферѣ междукняжескихъ отношеній, къ которой спеціально относится въ договорахъ названіе „службы",—въ сферѣ внѣшней т. сказ. политики [5]). Ни того, ни другого мы, однако, не видимъ.

Что касается внѣшнихъ (если можно такъ выразиться) политическихъ отношеній, то по стародавнему обычаю договаривающіеся князья обязывались „быть за одинъ до живота". Это условіе мы ви-

---

[1]) См. Чичерина, Опыты стр. 301, 303; Сергѣевича, Русск. Древн. стр. 161 сл. 166 сл.

[2]) См. о „братствѣ" князей: Сергѣевича Рус. Юр. Древн. II, 152 сл., 161 сл. Напр. по договору съ Донскимъ Михаилъ Александровичъ тверской призналъ вел. князя московскаго себѣ братомъ старшимъ, а по договорамъ съ Василіемъ Темнымъ Борисъ Александровичъ и его сынъ Михаилъ—просто братья (С. Г. Гр. и Д. №№ 76 и 88).

[3]) За исключеніемъ отношеній къ Василію Ярославичу боровскому, которыя основаны на принципѣ „отечества". С. Г. Гр. и Д. № 45.

[4]) См. договоры Юрія съ можайскими и Шемяки съ суздальск. князьями; это впрочемъ не мѣшало названнымъ отцамъ признавать за своими „сыновьями" всѣ права самостоятельныхъ владѣтельныхъ князей и даже равноправность въ заключеніи союзовъ и сношеніяхъ съ посторонними.

[5]) Службою считалась собственно и именно военная помощь, такъ какъ ни къ чему другому не обязывались и служебные князья.

димъ какъ въ договорахъ между великими и удѣльными, такъ и между различными великими князьями [1]). Тоже самое мы видимъ и при Василіи Темномъ. Можно замѣтить въ договорахъ его времени формулу, указывающую на перевѣсъ, на превосходство великаго князя въ этихъ вопросахъ надъ удѣльными. Именно, удѣльный князь обязывается обыкновенно „сложить цѣлованіе“, если онъ находится съ кѣмъ либо въ союзѣ помимо вел. князя, а послѣдній съ своей стороны обязывается „учинить его въ докончаніи“ со своими союзниками [2]). Но рядомъ съ этимъ въ тѣхъ же договорахъ мы находимъ выраженіе обоюдности политическихъ обязательствъ: „быть тебѣ съ нами, а намъ съ тобою“ съ прибавленіемъ обоюднаго же условія другъ безъ друга не канчивать [3]) и даже не ссылаться ни съ кѣмъ ни удѣльному безъ великаго, ни великому безъ удѣльнаго [4]), при чемъ лишь изрѣдка дѣлается такое различіе между ними, что удѣльный обязывается ни канчивать, ни ссылаться безъ великаго, а великій—только не канчивать безъ удѣльнаго [5]). Что однако существеннаго значенія эти оттѣнки не имѣли—видно изъ того, что первая форма постоянно встрѣчается въ договорахъ съ Василіемъ боровскимъ, вторая—съ князьями можайскими, а третья—съ Шемякою [6]).

Относящееся въ сущности сюда же условіе о взаимномъ хотѣніи добра и сообщеніи другъ другу всего слышаннаго въ пользу или во вредъ другой договаривающейся стороны и о взаимной военной помощи и оборонѣ мы находимъ впрочемъ не только въ договорахъ вел. князей съ удѣльными, но и въ договорахъ съ Рязанью [7]). Здѣсь можетъ представлять нѣкоторый интересъ лишь форма, въ которую облекалась въ договорѣ выговариваемая военная помощь или „служба“. Такъ, по договору, Юрій Дмитріевичъ не идетъ самъ, а посылаетъ

---

[1]) Напр. Московскихъ съ Рязанскими (№ 36, 48, 65) и Тверскими (№ 76). Ср. также Сергѣевича II, 169 сл.

[2]) № 43, 49, 52, 54, 56, 58, 61, 64, 66, 70, 75, 90—95.

[3]) № 43, 45 (съ Вас. Ярослав.) 47 (Юр. Георг. съ Можайскими) 49, 60, 71, 73, 78, 84 (тоже въ старыхъ договорахъ № 23, 33, 35).

[4]) № 46 (съ Можайскими) 61, 64, 66, 69, 70, 75 (тоже въ старыхъ договорахъ № 27).

[5]) №№ 52—54—56—58 (тоже въ старомъ—37).

[6]) Замѣтимъ кстати, что по договору 1440 года (№ 60) Шемяка получилъ право ссылаться (но не канчивать) съ другими князьями и даже съ Ордой (но только съ вѣдома вел. князя). Это исключительное право, объясняющееся отношеніями Шемяки къ Василію въ это время.

[7]) № 48, 65; А. Арх. Э. I. № 14.

сына даже когда самъ вел. князь сядетъ на коня (№ 43, 49); Василій Ярославичъ боровскій идетъ самъ только если сядетъ на коня самъ вел. князь (№ 45); Шемяка въ однихъ договорахъ обязывается идти самъ только когда вел. князь пойдетъ самъ или пошлетъ кого изъ братьевъ, въ другихъ обязывается идти въ походъ безъ ослушанія (№ 52, 54, 56, 60). По этому поводу Чичеринъ справедливо замѣчаетъ [1]), что „когда державы заключаютъ между собою союзъ, вниманіе устремляется преимущественно на вопросы, существенные для государства: количество и родъ помощи, случаи, въ которыхъ она должна оказываться и т. п. Здѣсь же все это вопросы второстепенные; на первомъ планѣ стоитъ опредѣленіе личныхъ отношеній между князьями, ихъ мѣстническихъ разсчетовъ. Въ какихъ случаяхъ князь долженъ сѣсть на коня самъ, когда онъ долженъ послать брата, сына, племянника, воеводу—все это становится предметомъ заботливаго попеченія, ибо въ этомъ выражается большее или меньшее личное превосходство одного князя надъ другимъ [2])... Такъ же какъ въ другихъ случаяхъ, мѣсто зависитъ столько же отъ личнаго могущества того или другаго князя, сколько отъ степени, которую онъ занимаетъ на родственной лѣстницѣ“ [3]).

Впрочемъ естественно, что въ дѣйствительности, въ фактическомъ примѣненіи этого условія о „единеніи“, вел. князю, какъ болѣе сильному и имѣвшему болѣе случаевъ къ проявленію своего честолюбія или къ оборонѣ своего положенія отъ другихъ великихъ князей, чаще должны были представляться и случаи требованія отъ удѣльныхъ князей исполненія ихъ обязательствъ, чѣмъ послѣднимъ—отъ вел. князя, а отсюда, понятно, обязательство единенія постепенно должно было облечься въ форму „службы“ удѣльнаго князя великому, хотя въ принципѣ здѣсь былъ лишь обмѣнъ услугъ двухъ независимыхъ государей. Впрочемъ съ попытками сильныхъ князей ограничить самостоятельность слабыхъ и подчинить ихъ своей волѣ мы встрѣчаемся съ глубокой древности, и эти попытки относились всегда не къ вопросамъ внутренняго управленія, а внѣшнихъ сношеній [4]),—слабѣйшій князь, сохраняя за собою свои владѣльческія права и даже во-

---

[1]) Опыты стр. 329.

[2]) Хотя впрочемъ здѣсь отчасти опредѣлялся и размѣръ военной помощи: само собою разумѣется, что съ самимъ княземъ выходило всегда больше войска, чѣмъ съ его воеводой.

[3]) Ср. впрочемъ Сергѣевича II, 187 сл.

[4]) Сергѣевичъ, II, 176, 178 сл.

енное управленіе, въ области внѣшнихъ сношеній утрачивалъ право самостоятельной политики и становился простымъ исполнителемъ чужихъ намѣреній. Систематическое же подчиненіе внѣшнихъ сношеній удѣльнаго князя политикѣ вел. князя мы находимъ лишь со времени Ивана III [1]), а до него принципіально ограничены были права удѣльныхъ князей въ области внѣшнихъ сношеній лишь воспрещеніемъ сношенія съ Ордою, но и это ограниченіе мы видимъ не только въ Московскомъ, но и въ Тверскомъ и Рязанскомъ вел. княженіи.

Переходя затѣмъ къ вопросу о внутреннемъ управленіи, мы уже замѣтили выше, что великій и удѣльные князья управляли своими удѣлами независимо другъ отъ друга и полновластно: въ договорахъ мы постоянно встрѣчаемъ условіе не вступаться въ удѣлы другъ друга [2]). Эта формула взаимной независимости вел. князя и удѣльнаго во внутреннемъ (даже военномъ) управленіи ихъ княжествами и владѣніями (вотчинными, удѣльными и пожалованными) сохраняется и въ договорахъ Василія Васильевича Темнаго съ удѣльными князьями Московской династіи.

Помимо обычной формулы обязательства вел. князя „печаловаться отчинами" князей удѣльныхъ, мы находимъ и въ договорныхъ грамотахъ Василія Темнаго съ удѣльными князьями обычную болѣе или менѣе подробную формулировку ограниченія его правъ относительно ихъ удѣловъ, съ одною разницею, что въ однихъ договорахъ эти ограниченія редактированы короче [3]), въ другихъ пространнѣе [4]).

---

[1]) Сергѣевичъ, II, 184 сл.

[2]) Въ частности: въ удѣлы другъ къ другу не вступаться, приставовъ своихъ не всылать, судовъ не судить, дани не брать, грамотъ жалованныхъ не давать, закладней и оброчниковъ не держать, селъ не покупать. С. Г. Гр. и Д. №№ 75, 78—81, 84, 85 и т. д. Мы намѣренно указываемъ договоры позднѣйшіе—пятидесятыхъ годовъ XV в. Ср. впрочемъ Сергѣевича, Русск. юридич. древности, I, 34 сл.

[3]) Съ Шемякой (№ 52, 54), съ можайск. княземъ (№ 70, 75).

[4]) Съ можайскимъ (№ 45), съ Вас. Яросл. боровскимъ (№ 71, 78, 84). Впрочемъ большая или меньшая подробность перечисленія ограниченій не имѣетъ особеннаго значенія и изъ нея невозможно дѣлать заключеній о большемъ или меньшемъ вліяніи князя на чужой удѣлъ. Такъ въ договорахъ съ Шемякой перечисляются ограниченія власти вел. князя, а въ договорахъ съ его отцомъ Юріемъ говорится только, чтобы отчину его блюсти и не вступаться въ нее, а между тѣмъ Юрій былъ въ болѣе выгодномъ положеніи относительно вел. князя, чѣмъ его сынъ. Другой примѣръ—договоры Владиміра Андреевича съ Донскимъ,

„Полная политическая особность волостей есть наша древность,— говоритъ проф. Сергѣевичъ. Эта древность была нашимъ дѣйствующимъ правомъ въ теченіи многихъ вѣковъ, во все то время, пока продолжали существовать отдѣльныя княженія, а отдѣльныя княженія существуютъ у насъ еще въ XVI в. Московскіе вел. князья начинаютъ вводить нѣкоторыя ограниченія власти владѣтельныхъ князей, своихъ сосѣдей, но ограниченія эти касаются внѣшнихъ сношеній князей, а не внутренняго управленія ихъ княжествами. Изъ вопросовъ внутренняго управленія ограниченію подвергается только право чеканки монеты, но это ограниченіе возникаетъ лишь въ началѣ XVI в. и только въ примѣненіи къ удѣламъ сыновей вел. кн. Ивана Васильевича“ [1]).

Сохраняется, наконецъ, и при Василіи Темномъ стародавній, подкрѣпляемый договорами, обычай разбирательства взаимныхъ споровъ и несогласій между великими князьями и между жителями разныхъ княжествъ посредствомъ третейскаго суда,—обычай, опять-таки свидѣтельствующій о независимости удѣльныхъ князей отъ князя великаго [2]).

Затѣмъ, что касается мнимаго стремленія Вас. Темнаго уничтожить, фактически или юридически, удѣльныя княженія, учрежденныя его отцомъ и дѣдомъ, то хотя во всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ во владѣніяхъ князей за его княженіе рѣшающее значеніе имѣло исключительно право сильнаго,—кто былъ сильнѣе, тотъ и бралъ удѣлы,—однако ни одинъ удѣлъ не присоединенъ при немъ къ Москвѣ безъ того, чтобы для этого не было вполнѣ естественныхъ причинъ: у Василія оспаривали великое княженіе и переданное ему по на-

---

гдѣ подробно перечислены ограниченія, (—мы находимъ ихъ впослѣдствіи и въ договорахъ его внука Василія), хотя Владиміръ поставленъ былъ въ большую зависимость отъ вел. князя, чѣмъ кто либо изъ другихъ удѣльныхъ князей. „Можно думать,—говоритъ Сергѣевичъ,—что подробныя ограниченія дѣлались въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было слабѣйшему князю оградиться отъ сильнѣйшаго и что, притомъ, въ этомъ случаѣ значительную роль играли личныя отношенія договаривающихся князей и что условіе, внесенное вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ съ какимъ нибудь княземъ, сохранялось и въ послѣдующихъ договорахъ съ нимъ и съ его потомствомъ, если не было нужды измѣнять его“.

[1]) Сергѣевичъ, Русск. юридич. древности I стр. 37; тоже II, 190.

[2]) С. Г. Гр. и Д. № 45, 46, 49, 52, 54, 60, 61, 64, 71, 78. Принципъ третейскаго суда мы находимъ напр. для разрѣшенія споровъ московскихъ князей съ тверскими (тамъ-же № 28).

слѣдству политическое, государственное старшинство, и онъ и его бояре лишь отстаивали завѣщанныя ему права. Вообще говоря, Василій Темный, если у него даже предполагать политическое намѣреніе лишить удѣльныхъ князей тѣхъ правъ, которыми они пользовались при его отцѣ и дѣдѣ, былъ не въ такомъ положеніи, чтобы имѣть возможность осуществить подобные замыслы за все время отъ вступленія его на великое княженіе и до смерти Шемяки, и лишь въ послѣдніе девять лѣтъ его княженія (съ 1453 до 1462 г.) у него руки были развязаны.

Если мы затѣмъ обратимся къ судьбамъ удѣльныхъ княжествъ при Темномъ, то увидимъ, что 1) *Дмитровъ и Угличъ* присоединены къ Москвѣ какъ выморочные удѣлы послѣ смерти Петра и Константина Дмитріевичей. Мы видѣли уже, что по удѣльному строю, установленному со временъ Ивана Калиты, наслѣдованіе въ удѣлахъ установлено было въ прямой нисходящей линіи;этотъ порядокъ утвержденъ былъ и договоромъ Василія Дмитріевича съ братьями Петромъ и Андреемъ [1]). Слѣд. формально Василій Васильевичъ не былъ обязанъ передавать этотъ удѣлъ своимъ дядьямъ. Дмитровъ перешелъ, правда, вмѣстѣ со всѣмъ удѣломъ Петра Дмитріевича нѣсколько лѣтъ спустя по смерти послѣдняго, въ 1432 г., къ Юрію Дмитріевичу галицкому по пожалованію хана; но въ слѣдующемъ уже году Юрій при примиреніи своемъ съ вел. княземъ отказался отъ этого пожалованія [2]). Вновь захвативъ въ 1434 г. великокняжескій столъ, Юрій вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ, конечно, и Дмитровъ. Отъ него Дмитровъ перешелъ къ тоже предъявившему притязанія

---

[1]) С. Гр. и Д. I № 37. Впрочемъ нужно замѣтить, что въ интересахъ удѣльныхъ князей было наслѣдованіе и въ прямой, и въ боковыхъ линіяхъ (въ случаѣ бездѣтной смерти князя), чтобы не уменьшались удѣлы. Поэтому этотъ порядокъ наслѣдованія мы находимъ въ духовныхъ Владиміра Андреевича (№ 40) и Юрія Дмитріевича (№ 51). Въ интересахъ же вел. князей Московскихъ было наслѣдованіе въ удѣлахъ лишь по прямой нисходящей линіи. Такой порядокъ наслѣдованія (прямого) проф. Сергѣевичъ (Р. Юр. Др. II, 148, 234 сл. 243 сл. и 296 сл.) считаетъ даже нормальнымъ, хотя можно указать на историческій примѣръ, что даже въ 1472 г. удѣльные князья братья вел. князя Ивана Васильевича „разгнѣвахуся на него, что (послѣ смерти брата Юрья) не далъ имъ жеребья въ его удѣлѣ“. Ихъ примирила мать, склонившая Ивана къ надѣленію братьевъ новыми владѣніями. (См. Воскр. лѣтоп. 1472 и 1473 г. и С. Г. Гр. № 97, 99, 106, 110).

[2]) С. Г. Гр. Д. № 49—50, стр. 100, 102—1433 г.: „А что есмь взялъ царевъ ярлыкъ на Дмитровъ, и тотъ ми ярлыкъ тобѣ дати“.

на великокняженіе сыну его, Василію Юрьевичу Косому звенигородскому, а послѣ бѣгства его и возвращенія на вел. княженіе Василья Васильевича—Дмитровъ и Звенигородъ опять отошли къ Москвѣ и этотъ переходъ признанъ братьями Косаго Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ въ договорѣ съ вел. княземъ [1]). Въ силу мирнаго договора съ Косымъ 1435 г. вел. князь въ замѣнъ отказа его отъ притязаній на вел. княженіе возвратилъ ему Дмитровъ [2]). Но въ 1436 г. Косой прислалъ вел. князю разметныя грамоты, т. е. разорвалъ миръ и Дмитровъ по тому самому долженъ былъ опять перейти къ вел. князю,—который опять передалъ его Василію Ярославичу и т. д.

2) Удѣльное княженіе *Можайско Верейское* было признано Василіемъ Васильевичемъ при вступленіи его въ вел. княженіе за Андреемъ Дмитріевичемъ, а послѣ его смерти — за его сыновьями Иваномъ и Михаиломъ [3]), при чемъ вел. князь обязывался жаловать ихъ и печаловаться ими и ихъ вотчинами, чѣмъ благословилъ ихъ отецъ по душевной грамотѣ отца своего вел. кн. Дмитрія Ивановича, и жить съ ними по грамотѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича и того подъ ними блюсти, а не обидѣть, не вступаться ни самому, ни дѣтямъ вел. князя подъ ихъ дѣтьми. Изъ двухъ братьевъ Андреевичей Михаилъ Верейскій постоянно былъ въ милости у Василія, а Иванъ Можайскій если и лишенъ въ 1454 г. удѣла, то по причинѣ весьма, по тому времени, уважительной—„за неисправленіе",—онъ постоянно переметывался на сторону враговъ Темнаго и нарушалъ заключенные съ вел. княземъ договоры [4]).

3) *Галичъ* присоединенъ къ Москвѣ въ 1450 г., послѣ пораженія, нанесеннаго Шемякѣ; до этого же времени существуетъ нѣсколько договоровъ Темнаго съ Юрьемъ Дмитріевичемъ и съ Дмитріемъ Шемякою, въ которыхъ Темный признавалъ Галичъ-Звенигородъ ихъ независимымъ удѣльнымъ княженіемъ. (Звенигородъ былъ присоединенъ къ Москвѣ по заявленіи Васильемъ Косымъ притязаній на великое княженіе. Тогда (въ замѣнъ Звенигорода?) Шемяка получилъ (1434 г.) отъ Вас. Васильевича удѣлъ (выморочный) Конст. Дмитріевича—Ржевъ

---

[1]) С. Г. Г. и Д. № 54—55, стр. 113, 116.

[2]) С. Г. Г. и Д. I № 52—53; А. Арх. Эксп. I № 29.

[3]) С. Г. Г. и Д. № 46; договоръ не 1433 г., а 1432 года, когда вопросъ о вел. княженіи не былъ еще рѣшенъ. Тоже № 61—1445 г., № 69 и 70—1448 г.

[4]) См. факты, собранные у Экземплярскаго (Вел. и удѣльные князья II, 325—327). Онъ и послѣ бѣгства въ Литву замышлялъ о вел. княженіи. Ср. впрочемъ и С. Г. Гр. и Д. стр. 172 и 174.

и Угличъ и нѣсколько селъ). Отношенія къ Шемякѣ опредѣляются договорами съ нимъ Василія Васильевича такъ: „А держати ти меня вел. князя въ старишиньствѣ, какъ держалъ моего отца, вел. князя Василія Дмитріевича твой отецъ, князь Юрьи Дмитріевичъ... а мнѣ вел. князю тобя держати, какъ отецъ мой кн. вел. Василій Дмитріевичъ держалъ своево брата молодшаго, твоего отца кн. Юрія Дмитріевича, въ братствѣ и во чести безъ обиды, по докончалнымъ грамотамъ, и жаловати ми тебя и печаловати ми ся тобою и твоею отчиною, чѣмъ благословилъ тебя твой отецъ,.... также и тѣмъ, чѣмъ, брате, язъ тобя пожаловалъ“ [1]). Затѣмъ, для характеристики отношеній Василія Васильевича къ галицкимъ князьямъ любопытенъ терминъ, примѣняемый къ нимъ въ ихъ взаимныхъ договорахъ, именно, терминъ „господарей“, несмотря на ихъ подчиненное относительно вел. князя положеніе. Терминъ этотъ мы находимъ не только въ договорахъ съ Юріемъ, но и съ Шемякою [2]).

4) Наконецъ, *Серпуховомъ и Боровскомъ* спокойно и независимо [3]) владѣлъ съ 1427 года Василій Ярославичъ, постоянно пользовавшійся расположеніемъ вел. князя; но въ 1456 г. онъ замыслилъ какую то „крамолу“ противъ Темнаго; удѣлъ у него отнятъ и онъ умеръ въ заключеніи *при Иванѣ III*. Во всякомъ случаѣ обстоятельства, при какихъ присоединено къ Москвѣ *Серпуховское княжество* неизвѣстны. Сергѣевичъ [4]) полагаетъ, что присоединеніе это было дѣломъ столь же несправедливымъ, какъ и присоединеніе Суздальско-Нижегородскаго княженія при Василіи Дмитріевичѣ, „но — говоритъ онъ,—Московское государство и не могло образоваться безъ нарушенія существующихъ правъ“. Совершенно вѣрно. Но безъ нарушеній существующихъ правъ не образовалось вообще ни одно государство Европы. Что же касается въ частности разсматриваемаго нами случая, то мнѣніе проф. Сергѣевича, что „вся вина Василія Ярославича заключалась въ его наслѣдственныхъ правахъ“, весьма быть можетъ правдоподобное, не можетъ быть однако обосновано никакими положительными историческими свидѣтельствами. Дѣйствительно, въ 1428 г.

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. I № 54—60, стр. 116, 131 и др.

[2]) „И кто кому служитъ, тотъ съ своимъ осподаремъ и ѣдетъ“. (№ 52 и слѣд.).

[3]) С. Г. Гр. и Д. № 45=1433 г., № 71—74=1448 г., № 78—79=1451 г. Несмотря на то, что по договору 1433 г. онъ признавался относительно вел. князя «братомъ молодшимъ и *сыномъ*».

[4]) Русск. юрид. древности, стр. 68.

Василій Васильевичъ (и его совѣтчики — ему было 13 лѣтъ) признавалъ права внуковъ Владиміра Андреевича на ихъ отчину: въ договорѣ съ Юрьемъ онъ обязываетъ его блюсти ихъ отчину, не вступаться и не обидѣть. Хотя изъ договора съ самимъ Василіемъ Ярославичемъ видно, что вел. князь „не додалъ ему“ нѣкоторыхъ волостей его дѣдины (Углича, Козельска, Алексина и др.), отказанныхъ Владиміромъ Андреевичемъ дядьямъ Василія Ярославича и захваченныхъ послѣ ихъ смерти Василіемъ Васильевичемъ [1]), но изъ упомянутаго нами договора съ Василіемъ Ярославичемъ (которому тогда было 17 лѣтъ) и изъ послѣдующаго поведенія Серпуховскаго князя относительно Василія Васильевича (особенно въ 1446 г., послѣ ослѣпленія послѣдняго) видно, что вопросъ объ этомъ наслѣдствѣ былъ мирно улаженъ, и великій князь даже вознаградилъ Василія за эту недодачу, давши ему Дмитровъ и Вышгородъ.

Мы сказали, что Василій Темный поотобралъ удѣлы у нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей въ видѣ наказанія за различныя ихъ неисправленія по отношенію къ нему и находимъ возможнымъ утверждать, что именно такого рода фактическая расправа вполнѣ соотвѣтствовала политическому строю и духу времени и что помимо этого мотива нѣтъ никакой надобности искать еще какихъ то высшихъ политическихъ соображеній и цѣлей у Василія для объясненія его объединительной будто бы политики.

Въ самомъ дѣлѣ, весь строй междукняжескихъ отношеній покоится на принципѣ братства, и слѣд. идеальнаго равенства; великій князь, какъ таковой, пользуется лишь нравственными привиллегіями старшаго брата; нравственной обязанности младшихъ братьевъ держать его во чти и безъ обиды соотвѣтствуетъ такая же обязанность его по отношенію къ нимъ. Затѣмъ *юридическія* и *политическія* отношенія между ними опредѣляются соотвѣтственно этому принципу идеальнаго братства взаимными между ними договорами. Понятно, что при такихъ условіяхъ о *правѣ наказанія* вел. князя относительно удѣльныхъ не могло быть и рѣчи,—юридически такого права онъ не имѣлъ. Но фактически этотъ терминъ къ разсматриваемымъ нами явленіямъ политическихъ отношеній Темнаго къ удѣльнымъ князьямъ вполнѣ

[1]) Точно то-же явленіе, какъ и съ удѣломъ бездѣтно умершаго князя Петра Дмитріевича. Замѣтимъ, что переходъ удѣловъ по наслѣдству исключительно въ прямой нисходящей линіи, а въ случаѣ отсутствія прямыхъ нисходящихъ—присоединеніе ихъ къ вел. княженію окончательно узаконенъ духовнымъ завѣщаніемъ Ивана III.

примѣнимъ. Дѣло въ томъ, что пересматривая *всѣ* княжескіе договоры до временъ Темнаго включительно, мы ни въ одномъ изъ нихъ не находимъ никакихъ постановленій касательно обезпеченія ихъ соблюденія и исполненія. Какъ бы нравственною гарантіею служило иногда посредничество митрополита при заключеніи договора, но какъ извѣстно, духовенство не стѣснялось иногда и освобожденіемъ князей отъ соблюденія договорной присяги [1]). Лишь во вторую половину княженія Темнаго,—слѣд. послѣ того какъ онъ уже испыталъ цѣлый рядъ нарушеній договоровъ со стороны князей удѣльныхъ, — мы видимъ съ его стороны попытку оградить себя отъ новыхъ подобныхъ же нарушеній болѣе дѣйствительными и внушительными мѣрами, именно—внесеніемъ въ договоры (1447 г.) съ Иваномъ Андреевичемъ можайскимъ (со стороны котораго онъ испыталъ особенно много „неисправленій") условія, что на виноватомъ въ нарушеніи этого договора не будетъ милости Божіей и молитвъ вел. чудотворцевъ и молитвы родителей, а сверхъ того (въ виду, конечно, ненадежности этой нравственной гарантіи) что „кн. вел. Борисъ Александровичъ и кн. Михайло Андреевичъ и кн. Василій Ярославичъ будутъ съ правымъ на виноватаго" [2]). Дѣйствительно, послѣ бѣгства Ивана Андреевича въ Литву Борисъ тверской заключаетъ съ Темнымъ договоръ [3]), въ которомъ обязывается: „а што отъ тебе *отступилъ* князь Иванъ Можайской... и мнѣ ко себѣ ихъ не приимати, а быть намъ съ тобою на нихъ за одинъ" [4]). Иначе и быть не могло: удѣльный князь дого-

---

[1]) См. примѣры у Сергѣевича II, 200 сл.

[2]) С. Г. Гр. и Д. №№ 63, 66, 68—69.

[3]) С. Г. Гр. № 76.

[4]) Сходное по смыслу съ этимъ условіе: „А чего Богъ дастъ достанемъ вотчинъ своихъ недруговъ, и въ то ти ся, брате, не вступати"—въ договорахъ 1448 и 1451 г. Темнаго съ Василіемъ Ярославичемъ (С. Г. Гр. № 71 — 74, 78—79). Также въ договорахъ 1462 и 1484 г. Ивана III съ Михаиломъ Борисовичемъ тверскимъ находимъ условіе (впрочемъ—взаимное): „также намъ... хто згрубитъ изъ нашіе братьи изъ молодшие или хто ни будетъ нашъ лиходѣй, и тебѣ... и твоей братьѣ молодшей къ себѣ ихъ не приимати, а быти намъ съ нами... на нихъ вездѣ за одинъ". (Собр. Гос. Гр. и Д. стр 213, 294). Впрочемъ примѣры обезпеченія соблюденія договоровъ угрозою отобранія владѣній бывали и въ болѣе древнія времена. Такъ въ XII в. (Ипатск. лѣтоп. подъ 1177 г.) кн. Святославъ Всеволодовичъ черниговскій говоритъ Роману Ростиславичу смоленскому по поводу нарушенія договора о союзѣ Давыдомъ Ростиславичемъ: „брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинитъ, то въ волость, а мужъ — у голову, (т. е. если князь измѣ-

воромъ обязывался держать великаго князя и великое княженіе„ честно и грозно", „добра хотѣть вел. князю во всемъ вездѣ безъ хитрости", быть съ нимъ заодно противъ его недруговъ, оберегать его отъ нихъ и не канчивать съ ними безъ его вѣдома [1]); но вмѣстѣ съ тѣмъ удѣльный князь не подчиненъ великому,—вел. князь не имѣетъ надъ нимъ права суда, не можетъ *наказать* его за неисполненіе принятыхъ на себѣ обязательствъ. При такихъ условіяхъ и недостаточности указанныхъ нами гарантій исполненіе обязательствъ вполнѣ зависѣло отъ личныхъ отношеній князей и первая половина великокняженія Темнаго представляетъ поэтому цѣлый рядъ нарушеній договоровъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ единственною дѣйствительною мѣрою къ ихъ обезпеченію являлась фактическая матеріальная сила, что нарушеніе договора вызывало, за отсутствіемъ высшей власти, расправу при помощи физической силы, которая, понятно, въ большинствѣ случаевъ оказывалась на сторонѣ вел. князя [2]).

Мы впрочемъ готовы даже допустить, что послѣ смерти своего главнаго противника Шемяки Василій Васильевичъ не былъ особенно разборчивъ въ изысканіи способовъ къ окончательному утвержденію своему на великокняжескомъ столѣ. Возможно даже, что и вышеуказанные нами договоры его съ Борисомъ Александровичемъ тверскимъ и съ Василіемъ Ярославичемъ заключены были имъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ воспользоваться ими (допускаемъ) для отместки при случаѣ хотя бы Ивану Можайскому. Въ такомъ случаѣ необъяснимые *юридически* факты отобранія удѣловъ безъ *видимыхъ* законныхъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ) причинъ могли бы быть объяснены психическимъ моментомъ—Василій могъ дѣйствовать

нитъ, то лишается волости, а если простой мужъ—то головы), а Давыдъ виноватъ".

[1]) Все это, какъ мы уже видѣли выше, обыкновенныя условія *всѣхъ* княжескихъ договоровъ разсматриваемаго нами времени.

[2]) Мы имѣемъ еще договоръ Василія Темнаго съ кн. Иваномъ Васильевичемъ суздальскимъ 1451 года, въ силу котораго условлено, что въ случаѣ измѣны Ивана великому князю, онъ лишается удѣла. Но этотъ примѣръ къ разсматриваемымъ нами случаямъ не подходитъ, такъ какъ Иванъ Васильевичъ отказался отъ своихъ правъ на суздальско-нижегородское княженіе въ пользу Василія, а Василій въ награду за это „пожаловалъ" его этимъ княженіемъ, (съ предоставленіемъ ему даже самостоятельности управленія имъ); такъ что данный случай болѣе подходитъ къ практикѣ отбиранія вотчинъ у служебныхъ князей за переходъ ихъ на службу къ другому князю. (С. Г. Гр. и Дог. № 80—81).

изъ мести, для него могло быть достаточно подозрѣній, доносовъ для того, чтобы обвинить удѣльнаго князя въ неисправленіи и употребить противъ него силу. Но все это примѣнимо лишь къ фактамъ междукняжескихъ отношеній послѣдняго десятилѣтія великокняженія Василія, а никакъ не къ первымъ его временамъ. Замѣтимъ, что и съ титуломъ господаря Василій Васильевичъ впервые выступаетъ въ 1451 г. и то въ договорѣ съ княземъ Суздальскимъ, ставшимъ собственно говоря въ положеніе князя служебнаго, а не удѣльнаго [1]), и что—кто знаетъ?—быть можетъ Василій даже въ этомъ случаѣ лишь *послѣдовалъ* за Шемякою, титуловавшимъ себя на монетахъ, чеканенныхъ вѣроятно въ его непродолжительное великокняженіе „господаремъ земли Русской" [2]).

Итакъ, на основаніи всего вышеизложеннаго мы не можемъ согласиться съ объясненіемъ, которое даетъ г. Карзинкинъ относительно чеканки двуименныхъ монетъ, такъ какъ считаемъ это объясненіе не соотвѣтствующимъ историческимъ событіямъ и существовавшимъ, особенно въ первую половину великокняженія Василія Васильевича Темнаго, отношеніямъ между вел. княземъ московскимъ и удѣльными князьями.

Мы полагаемъ, напротивъ, что удѣльные князья не постепенно лишались своего права чеканить монету, а разомъ, и что это случилось именно при Иванѣ III.

Въ самомъ дѣлѣ, при Иванѣ III отношенія вел. князя московскаго къ удѣльнымъ подвергаются значительному измѣненію въ ущербъ послѣднимъ. Испытавъ въ юности своей всѣ неурядицы княжескихъ междоусобій, Иванъ III былъ принципіальнымъ врагомъ удѣльной системы [3]). Умудренный этимъ опытомъ и вступивъ на путь, указан-

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. № 80—81.

[2]) Чертковъ, Описан. русск. монетъ № 171 таб. XXIV ф. 6.

[3]) Такъ, въ 1489 г. онъ предостерегаетъ Менгли Гирея отъ опасностей междоусобія съ братомъ, ссылаясь на опытъ „дѣдовъ и отцовъ нашихъ: на одномъ юртѣ два осподаря бывали ли? а гдѣ бывали... ино которое добро межъ ихъ было?" (Сб. Р. Ист. Общ. т. 51, стр. 76). А въ 1496 г., узнавъ о намѣреніи Александра литовскаго дать брату Сигизмунду Кіевъ и другіе города, онъ приказываетъ сказать дочери: „Ино, дочи, слыхалъ язъ, каково было нестроеніе въ литовской землѣ коли было государей много; а и въ нашей земли слыхала же, каково было нестроеніе при моемъ отцѣ; а послѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь". (Тамъже т. 35, стр. 224 сл.).

ный ему Софіею и византійцами, онъ окончательно уничтожилъ самостоятельность удѣловъ, а съ этимъ связано и прекращеніе чеканки удѣльными князьями своей монеты. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ завѣщаніи Иванъ Васильевичъ пишетъ: „А что есми далъ дѣтемъ своимъ меншимъ. .. городовъ и волостей и селъ, и они то и вѣдаютъ по тому, какъ имъ въ сей грамотѣ духовной писано, а опричъ того у сына у моего у Василія ни во что не вступаются; а сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣломъ въ Московской земли и въ Тфѣрской денегъ дѣлати не велятъ, а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василій на Москвѣ и во Тофри, *какъ было при мнѣ*" [1]), а сыновья его Василій и Юрій еще при жизни отца и по его приказанію заключили между собою договоръ, которымъ обязывались между прочимъ „жить по тому, какъ отецъ нашъ въ своей духовной грамотѣ написалъ" [2])

Нѣкоторые нумизматы [3]) приписываютъ монеты съ именемъ кн. Ивана Борисовича сыну Бориса Васильевича волоцкаго, княжившему съ конца XV в. по 1504 г. Думаемъ, что такое мнѣніе ошибочно. Хотя Борисъ и былъ вотчиннымъ удѣльнымъ княземъ на Волокѣ, Рузѣ и Ржевѣ [4]), но эти города и это удѣльное княжество, насколько можно судить по историческому и политическому значенію ихъ и по дошедшимъ до насъ вещественнымъ нумизматическимъ памятникамъ, никогда не имѣли своей монеты. Намъ неизвѣстны и монеты Бориса Васильевича или могущія быть ему приписаны. Тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы ихъ чеканилъ сынъ Бориса Иванъ, который владѣлъ лишь Рузою. Впрочемъ и Чертковъ, приписывавшій эту деньгу сначала Ивану Борисовичу волоцкому (правильнѣе—рузскому [5]) между прочимъ на основаніи ея легковѣсности, впослѣдствіи поколебался въ этомъ мнѣніи [6]), такъ какъ монета эта была найдена вмѣстѣ съ 50-ю нижегородскими и суздальскими деньгами кн. Данилы и др. и предположительно приписалъ ее на этомъ основаніи Ивану Борисовичу суздальско-нижегородскому. Это мнѣніе мы считаемъ болѣе правильнымъ. Что же касается легкаго вѣса монеты, который смутилъ Черткова, то вѣдь и Семена Дмитріевича попадаются монеты въ 11 долей, т. е.

[1]) С. Г. Гр. и Д. № 144 стр. 397.

[2]) Договоръ 1504 г. въ С. Г. Гр. и Д. № 133—134.

[3]) Гр. Чапскій стр. 31 № 141 сл.; Чертковъ № 482 таб. XXV стр. 7 и № 271 т. XV ф. 12; Рейхель.

[4]) См. договоры его съ Иваномъ III въ С. Г. Гр. и Дог., напр. № 97, 110.

[5]) № 271.

[6]) Въ первомъ Прибавленіи къ своему Описанію, № 482.

такого вѣса, который свойственъ лишь деньгамъ второй половины великокняженія Василія Темнаго. Притомъ легковѣсность и низкопробность составляютъ, кажется, отличительную черту суздальско-нижегородскихъ монетъ.

Вообще мы думаемъ, что изъ удѣльныхъ князей при Иванѣ III могъ чеканить монету только Михаилъ Андреевичъ верейскій, ибо въ началѣ великокняженія Ивана III Михаилъ Андреевичъ еще сохраняетъ былую самостоятельность какъ вотчинный удѣльный князь: въ договорахъ съ нимъ 1463 г. Иванъ III обязывается даже не канчивать и не ссылаться ни съ кѣмъ безъ его вѣданья [1]). Но съ 1483 г. положеніе Михаила значительно повидимому измѣняется, такъ какъ въ договорѣ этого года съ вел. княземъ Верея оказывается уже лишь пожизненнымъ „пожалованіемъ" Михаилу отъ Ивана [2]), и „вотчиною" вел. князя, на томъ основаніи, что Верея взята была послѣднимъ „въ своей винѣ" у отъѣхавшаго въ Литву сына Михаила—Василія. Въ силу этого же договора Михаилъ обязался послѣ своей смерти передать свою вотчину и Верею вел. князю. Михаилъ умеръ въ 1486 г., но мы полагаемъ, что съ утратою вотчинныхъ своихъ правъ на Верею, т. е. ок. 1483 г. онъ утратилъ и право чеканки своей монеты.

Что же касается другихъ удѣльныхъ княжествъ, князья коихъ пользовались несомнѣннымъ правомъ чеканки монетъ, то Дмитровъ, Можайскъ и Серпуховъ отказаны были Василіемъ Темнымъ сыну своему Юрію. Монетъ его, однако, неизвѣстно. Возможно, что получивъ эти города въ удѣлъ отъ отца, вел. князя Московскаго, онъ уже не могъ пользоваться правомъ, которое принадлежало прежнимъ вотчиннымъ удѣльнымъ князьямъ. Во всякомъ случаѣ послѣ смерти Юрія въ 1473 г. всѣ его владѣнія были присоединены Иваномъ III къ Москвѣ и хотя въ 1481 г. онъ и „пожаловалъ" Можайскъ своему младшему брату Андрею углицкому [3]), но будучи жалованнымъ, а не вотчиннымъ княземъ Можайскимъ, Андрей опять-таки не могъ чеканить монеты.

Таковы историческія и историкоюридическія соображенія, на основаніи которыхъ мы не считаемъ возможнымъ согласиться съ тѣмъ толкованіемъ, какое даетъ двуименнымъ монетамъ г. Карзинкинъ въ своемъ изслѣдованіи.

Обращаемся собственно къ нумизматической части выводовъ А. А. Карзинкина.

---

[1]) С. Гр. и Д. №№ 90—91.

[2]) С. Гр. и Д. № 118.

[3]) С. Гр. и Д. № 108.

Изъ рассмотрѣнія 19 разныхъ чекановъ двуименныхъ денегъ, авторъ опредѣляетъ періодъ ихъ чеканки приблизительно въ 37 лѣтъ съ 1425 г.—восшествія на престолъ Темнаго, по 1462 г.—его кончины.

При этомъ авторъ замѣчаетъ [1]): „До насъ дошла двуименная монета съ именемъ Семена Владиміровича Серпуховскаго, умершаго осенью 1425 г.; въ февралѣ же этого года Темный взошелъ на престолъ, слѣд. первыя двуименныя деньги, по крайней мѣрѣ съ Серпуховскимъ княземъ, начались чеканиться въ теченіи первыхъ 9 или 10 мѣсяцевъ по вступленіи Василія на престолъ". Съ этимъ мнѣніемъ автора мы вполнѣ согласны, несмотря на то, что авторъ упустилъ изъ виду деньгу бывшей коллекціи Брыкина [2]) съ надписями:.... *Кнзь Василеи Дм* на лиц. и *Кнзь Ондрѣи Дмтр* на оборотной сторонѣ.

Мы не видали этой монеты и намъ неизвѣстно, гдѣ она въ настоящее время находится; никому изъ московскихъ нумизматовъ подобной монеты также не попадалось; поэтому къ этому нумизматическому свидѣтельству нужно относиться съ крайней осторожностью. При всемъ томъ однако имѣть въ виду возможность дѣйствительнаго существованія двуименныхъ монетъ Василія Дмитріевича необходимо, такъ какъ мы не имѣемъ права безъ всякихъ основаній отрицать достовѣрность показанія весьма, по слухамъ, опытнаго покойнаго нумизмата. Но допустивъ ея дѣйствительное существованіе, пришлось бы отнести первые приступы къ ограниченію правъ удѣльныхъ князей къ великокняженію Василія Дмитріевича, а для такого предположенія не имѣется никакихъ рѣшительно историческихъ данныхъ.

Итакъ, повторяемъ, несмотря на этотъ недосмотръ автора, мы можемъ пока согласиться съ его первымъ выводомъ о совпаденіи начала чеканки двуименныхъ денегъ съ началомъ великокняженія Василія Васильевича. Но мы не можемъ согласиться съ выводами послѣдующими. Именно, на основаніи обозрѣнія 19 типовъ двуименныхъ монетъ Василія Темнаго съ князьями: Юріемъ Дмитріевичемъ галицкимъ, съ Дмитріемъ Шемякою, съ Андреемъ Дмитріевичемъ можайскимъ и его сыномъ Иваномъ Андреевичемъ, съ Семеномъ Владиміровичемъ серпуховскимъ и съ Александромъ (Ѳедоровичемъ ярославскимъ?) авторъ дѣлаетъ выводъ (стр. 11), что „удѣльные князья пользовались правомъ чеканки самостоятельной монеты до Василія Темнаго,—на нихъ вліяніе Москвы отражалось только на ихъ вѣсѣ и типахъ, близко подходя-

---

[1]) Стр. 9.

[2]) Описана во 2-мъ дополн. къ Нумизматич. изслѣд Сонцова на стр. 51 подъ № 41.

щихъ къ вѣсу и типамъ современныхъ Московскихъ монетъ; съ перваго же года княженія Василія Темнаго начала чеканиться двуименная монета, которая не только представляла собою точную копію съ Московской, но на которой, вмѣстѣ съ именемъ удѣльнаго князя, мы видимъ и имя великаго князя Московскаго. На основаніи нумизматическаго матеріала можно заключить, что такія деньги чеканились во всѣхъ (?) удѣлахъ Москвы, а потому можно предположить, что двуименныя или т. наз. союзныя деньги представляютъ собою вещественное подтвержденіе приведенныхъ мною фактовъ историческихъ. Великій князь Московскій, задумавъ отнять у удѣльныхъ князей право чеканить монету, сдѣлалъ это не сразу, и въ переходное время (принимая во вниманіе смуты и распри, которыми полна первая половина княженія Вас. Васильевича) ограничился лишь принужденіемъ удѣльныхъ князей чеканить монету со своимъ великокняжескимъ клеймомъ. Къ концу княженія Василія Васильевича удѣлы Московскіе вошли въ составъ московскаго великаго княжества и имена Московскихъ удѣльныхъ князей болѣе не появляются на монетахъ".

Въ этомъ разсужденіи прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что начало подчиненія т. сказ. удѣльной монетной чеканки Москвѣ авторъ относитъ къ первымъ смутнымъ годамъ княженія Темнаго, т. е. къ такому времени, когда менѣе всего можно было бы ожидать какихъ либо нововведеній въ смыслѣ большаго подчиненія удѣльныхъ князей вел. князю Московскому. Въ особенности такое предположеніе было бы неумѣстно въ примѣненіи къ Юрію Дмитріевичу, который не только открылъ враждебныя дѣйствія противъ Василія, но даже въ мирномъ договорѣ съ Василіемъ (1425 г.) обязался лишь не искать великокняжескаго стола самолично, а только черезъ хана съ тѣмъ, что кого изъ нихъ ханъ пожалуетъ великимъ княженіемъ, тотъ и будетъ великимъ княземъ [1]). Но даже сдѣлавши для него исключеніе и предположивъ, что двуименныя монеты его чеканены не ранѣе 1428 г., когда онъ призналъ Василія Васильевича великимъ княземъ [2]), все таки мнѣнія, высказываемыя авторомъ, либо прямо противорѣчатъ фактамъ, либо вызываютъ серіозныя возраженія.

---

[1]) П. С. Р. Л. VIII, 93.

[2]) С. Г. Гр. и Д. II. № 43—44 и не позднѣе 1433 г., такъ какъ по договору этого года (№ 49) Юрій поставилъ условіемъ: „а къ тобѣ ми не ѣздити". Въ пользу отнесенія двуименныхъ денегъ Юрія къ первымъ годамъ великокняженія Василія говоритъ и ихъ типъ,—изображеніе на нихъ Геракла (или Самсона), раздирающаго пасть льва.

Такъ, авторъ, увлекшись очевидно правдоподобностью своихъ теоретическихъ соображеній, утверждаетъ, что при Василѣ Темномъ прекращается право чеканки удѣльными князьями самостоятельной монеты, а между тѣмъ намъ неизвѣстно ни одной двуименной деньги напр. Михаила Андреевича верейскаго (1432—1485), несмотря на то, что онъ вступилъ въ княженіе уже при Василіи, а слѣдовательно при этомъ случаѣ было бы весьма удобно подчинить его предполагаемому авторомъ требованію чеканки двуименныхъ монетъ [1]). Затѣмъ, при обзорѣ двуименныхъ денегъ мы натыкаемся на странное явленіе: существуетъ двуименная монета Юрія Дмитріевича Галицкаго (1389—1434) слѣдовательно, по теоріи А. А. Карзинкина, Галичъ лишенъ при немъ права самостоятельной чеканки монетъ, а между тѣмъ его сынъ — Дмитрій Шемяка чеканитъ и двуименныя монеты, и самостоятельныя. На это возразятъ, быть можетъ, что Шемяка присвоивалъ себѣ даже великое княженіе? Допустимъ. Но тогда чѣмъ объяснить другой подобный же фактъ: существуютъ двуименныя деньги Андрея Дмитріевича Можайскаго (1389—1432) и вмѣстѣ съ тѣмъ и двуименныя, и самостоятельныя—Ивана Андреевича (1432—1454). Или еще—существованіе, и двуименныхъ и одноименныхъ денегъ Василія Ярославича Боровскаго (1426 —1456)? Если одноименныя деньги Ивана Андреевича объяснять тѣмъ, что онѣ чеканены въ одинъ изъ періодовъ вражды его съ Темнымъ или же двуименныя—что онѣ чеканены въ одинъ изъ моментовъ замиренія съ послѣднимъ, то такое толкованіе совершенно непримѣнимо къ Василію Ярославичу, который неизмѣнно оставался вѣренъ Василію Темному, а между тѣмъ двуименныя его деньги крайне рѣдки, а А. А. Карзинкину даже совершенно неизвѣстны [2]).

Наконецъ, намъ кажется, что съ нумизматической точки зрѣнія противъ теоріи автора можно привести еще доказательство на основаніи одной двуименной монеты, которую авторъ упустилъ изъ виду. Мы имѣемъ въ виду деньгу нѣкоего князя Ивана Васильевича, описанную у Черткова подъ № 279 (изобр. на таб. XVI ф. 9) и у Брыкина въ его „Нумизматическихъ замѣткахъ“ [3]).

---

[1]) Онъ постоянно былъ вѣренъ вел. князю.

[2]) Такая двуименная деньга его (плохой сохранности) описана у Черткова № 79 т. V ф. 2 и Брыкинымъ въ его Нумизматическихъ замѣткахъ (Древности Моск. Археологич. Общ. 1867 стр. 12).

[3]) Древности Моск. Арх. Общ. 1867, стр. 12.

Въ XV в. мы знаемъ трехъ князей этого имени. Двухъ суздальско-нижегородскихъ и одного ярославскаго: кн. Иванъ Васильевичъ суздальско-нижегородскій (сынъ Василія Кирдяпы), умершій въ Москвѣ въ 1417 г., едва ли могъ чеканить монету, даже двуименную, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ объясняетъ г. Карзинкинъ; притомъ легкій вѣсъ монеты, которую мы имѣемъ въ виду, рѣшительно невозможенъ для 1411—1417 г. Остаются за тѣмъ два другихъ Ивана Васильевича: князь ярославскій, сопровождавшій въ 1412 г. вел. кн. Василія Дмитріевича въ Орду и умершій въ 1426 г. [1]) и кн. Иванъ Васильевичъ суздальско-нижегородскій, княжившій въ половинѣ XV в. Слѣдуя теоріи г. Карзинкина и на основаніи легкаго вѣса (14 дол.) разсматриваемой нами монеты [2]) она можетъ быть приписана единственно только кн. Ивану Васильевичу суздальскому, такъ какъ другаго современнаго Темному князя этого имени не было. А между тѣмъ Ивана Васильевича суздальско-нижегородскаго трудно даже признать удѣльнымъ княземъ, — онъ скорѣе могъ бы быть отнесенъ къ разряду князей служилыхъ, хотя онъ и пользовался самостоятельностью во внутреннемъ управленіи своимъ удѣломъ. Извѣстно, что еще въ 1390 г. в. кн. Василій Дмитріевичъ овладѣлъ (см. Экземплярскаго) надъ дѣтьми и законными наслѣдниками суздальскаго князя Дмитрія Константиновича всѣмъ его княженіемъ въ составѣ городовъ: Суздаля, Нижняго, Городца, Вятки. Во время борьбы Шемяки съ Вас. Васильевичемъ Шемяка призналъ наслѣдственныя права на Суздаль за правнуками Дмитрія Константиновича—Василіемъ и Ѳедоромъ Юрьевичами (С. Г. Гр. № 62). Имѣло ли это признаніе какое-либо практическое значеніе, сказать трудно. Извѣстно только, что сынъ Василія Юрьевича Иванъ, по договору съ вел. кн. Вас. Василіевичемъ отказался въ 1451 г. (?) отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Суздальское княженіе. Именно, онъ выдалъ вел. кн. московскому всѣ ханскіе ярлыки на Суздаль, Нижній, Городецъ и на все Новугородское княженіе, какіе у него были, и билъ челомъ вел. князю на службу. По этому случаю между ними былъ заключенъ договоръ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ обѣихъ сторонъ, но договоръ неравноправный. Условія о братствѣ мы въ немъ не находимъ; Суздальскій князь называетъ Василія *господаремъ*; онъ отказывается отъ всякихъ самостоя-

---

[1]) А по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—въ 1428 г. См. у Экземплярскаго, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси II стр. 92 примѣчаніе.

[2]) Экземпляръ Черткова, впрочемъ,—судя по его неполному описанію,—плохой сохранности, слѣд. на 14 долевой вѣсъ можно накинуть одну долю.

тельныхъ сношеній съ другими князьями, не приставать къ Шемякѣ и ни къ какому иному недругу Темнаго никоторыми дѣлы и не отступать отъ вел. князя и его сына никоторыми дѣлы; съ своей стороны вел. князь *жалуетъ* его частью его наслѣдственной отчины, обѣщаетъ блюсти эту часть подъ нимъ и подъ его дѣтьми и предоставляетъ ему право суда и управленія, даже военнаго, въ предѣлахъ этой отчины; но за то въ случаѣ нарушенія княземъ своихъ обязательствъ онъ за клятвонарушеніе подвергается „тягости церковной“ и сверхъ того лишается *пожалованнаго* ему удѣла: „а отступлю отъ тобе отъ вел. князя и отъ твоихъ дѣтей къ которому вашему недругу, кто ни буди, ино мой удѣлъ, моя вотчина тобѣ вел. князю и твоимъ дѣтемъ, чѣмъ мя еси пожаловалъ“ [1]).

И несмотря на такое подчиненное, служебное положеніе, Иванъ Васильевичъ чеканитъ свою, указанную нами выше монету. Мнѣ могутъ возразить, что монета эта двуименная, и слѣд. подтверждаетъ теорію А. А. Карзинкина. На это я отвѣчу — наоборотъ. Если уже Василій Темный имѣлъ въ виду лишить удѣльныхъ князей права чеканки монетъ, то менѣе всего ему было бы основаній церемониться съ Иваномъ суздальско-нижегородскимъ, а слѣд. вмѣсто того, чтобы заставлять его чеканить двуименную монету, онъ имѣлъ полную возможность прямо воспретить ему чеканку какой бы то ни было монеты. Мы вынуждены даже видѣть въ самомъ существованіи такой монеты особую привиллегію, дарованную почему-то Василіемъ Васильевичемъ князю Ивану Васильевичу.

Не болѣе благопріятный для теоріи г. Карзинкина результатъ получится и въ томъ случаѣ, если мы, пренебрегая легковѣсностью разсматриваемой нами монеты, припишемъ ее кн. Ивану Васильевичу ярославскому. Въ пользу этого князя можно привести слѣд. соображенія: Во 1-хъ) онъ былъ княземъ несомнѣнно самостоятельнымъ, хотя и стоявшимъ всегда, насколько можно судить по скуднымъ объ немъ свѣдѣніямъ [2]) на сторонѣ вел. кн. московскаго; 2) у Рейхеля подъ № 4366 (изобр. на т. III № 48) описана деньга князя.... Ѳедоровича, совершенно того же типа, какъ и разсматриваемая нами, но болѣе тяжеловѣсная (17 дол.). Такъ какъ между княженіемъ Ивана Васильевича и его внука Александра Ѳедоровича прошло не болѣе 8 лѣтъ,

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. № 80.

[2]) Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси II, стр. 92 и Маркевичъ, Ярославскіе князья (въ Трудахъ Яросл. археологич. съѣзда, т. II стр. 85).

то возможно допустить преемство типа. Нѣкоторое, и довольно серіозное, сомнѣніе вызываетъ однако вѣсъ обѣихъ монетъ — 14 долевой Ивана и 17 долевой предполагаемаго Александра. Какъ бы то ни было однако, если приписать разсматриваемую деньгу Ивану Васильевичу Ярославскому, то толкованію двуименности его монетъ въ смыслѣ теоріи г. Карзинкина пришлось бы противопоставить тѣ же историческія соображенія, какія мы привели относительно удѣльныхъ монетъ первыхъ годовъ великокняженія Василія Васильевича Темнаго.

Не останавливаясь затѣмъ на толкованіи авторомъ двуименныхъ монетъ Дмитрія Шемяки, сходномъ съ толкованіемъ ихъ г. Турбинымъ въ рефератѣ „о монетахъ В. Кн. Дмитрія Георгіевича", помѣщенномъ въ Древностяхъ Моск. Археологич. Общества 1887 года [1]), мы опять таки должны сказать, что и нумизматическій матеріалъ, собранный авторомъ, не даетъ достаточно твердыхъ основаній для подкрѣпленія его теоріи, и что слѣд. нужно искать какого либо другаго объясненія чеканки двуименныхъ монетъ.

Мы съ своей стороны полагаемъ, что при разрѣшеніи настоящаго вопроса должно имѣть въ виду слѣдующія соображенія:

1) Сравнительную рѣдкость двуименныхъ денегъ, доказывающую, что деньги эти чеканились въ незначителъномъ, сравнительно съ одноименными, количествѣ, что онѣ были монетою, можно сказать, исключительною [2]).

2) Характеръ ихъ чекана и типа. Въ этомъ отношеніи мы должны раздѣлить ихъ на двѣ группы: на монеты удѣльныхъ князей первыхъ годовъ великокняженія Василія Васильевича и монеты удѣльныхъ князей, княжившихъ въ послѣдующіе годы его правленія.

а) Большая часть двуименныхъ монетъ удѣльныхъ князей первыхъ годовъ княженія Василія Васильевича—его дядей и опекуновъ: Андрея, Петра и Семена, а также двуименныя Юрія Дмитріевича (которыя могутъ быть отнесены не иначе, какъ къ 1428—1433 г.) значительно отличаются и по внѣшнему виду, и по типу, и по вѣсу отъ одноименныхъ денегъ этихъ князей. Объясняется это, конечно, прежде всего тѣмъ, что всѣ эти князья большею частью своего управленія

---

[1]) Т. XI, вып. 3, протоколы стр. 79.

[2]) Любопытна напр. пропорція двуименныхъ монетъ къ одноименнымъ въ знаменитомъ Рузскомъ кладѣ, описанномъ гр. Толстымъ. Здѣсь на 184 одноименныхъ монетъ Юрія Дмитріевича (20 вар.) оказалось 81 двуименныхъ (10 вар.); на 21 одноименную (16 вар.) Андрея, на 32 (12 вар.) Семена и на 27 Петра—всего по одной двуименной.

были современниками Василія Дмитріевича. Поэтому ихъ монеты, равно какъ и монеты самого Василія Дмитріевича, болѣе тяжеловѣсны (17—23 доли), чѣмъ монеты Василія Темнаго. Эти монеты и по внѣшнему типу совершенно отличаются отъ монетъ Василія Васильевича и потому несомнѣнно должны быть отнесены ко времени ранѣе 1426 года. Двуименныя же ихъ монеты носятъ совершенно отличный отъ этихъ монетъ характеръ: и по внѣшнему виду, и по вѣсу онѣ приближаются къ монетамъ Василія Васильевича (10—18 дол.). Но того же измѣненнаго типа и вѣса (10—17 дол.) мы находимъ и одноименныя деньги этихъ удѣльныхъ князей [1]). Очевидно, слѣд., что при Темномъ они чеканили не только двуименныя, но и одноименныя деньги. Подтвержденіемъ этому мнѣнію, основанному на изслѣдованіи внѣшняго характера монетъ удѣльныхъ князей разсматриваемаго періода могутъ служить въ особенности монеты кн. Петра Дмитріевича. Тяжеловѣсныя (сравнительно) одноименныя монеты его въ большинствѣ довольно безобразны и носятъ совершенно своеобразный характеръ; двуименныя его монеты гораздо правильнѣе по чекану, легче по вѣсу и вполнѣ подходятъ къ типу монетъ Василія Васильевича; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ его же одноименныя монеты совершенно того же типа, какъ его двуименныя монеты и какъ монеты Василія Васильевича.

Что касается однородности изображеній на двуименныхъ монетахъ дядей великаго князя (Андрея, Петра, Семена и Юрія), заключающейся въ изображеніи на нихъ Геракла (или Самсона) раздирающаго пасть льва, то она объясняется приблизительною единовременностью ихъ чеканки. Этому изображенію по всей вѣроятности послужили прототипомъ подобныя же изображенія на деньгахъ Василія Васильевича [2]), но оно не составляетъ исключительной характерной принадлежности этихъ монетъ, такъ какъ то же изображеніе мы находимъ и на одноименныхъ (легковѣсныхъ) деньгахъ Петра Дмитріевича [3]).

Изъ этихъ наблюденій надъ двуименными деньгами первыхъ годовъ правленія Василія Васильевича можно сдѣлать одинъ только общій имъ всѣмъ выводъ,—что монеты эти по своему вѣсу и внѣш-

---

[1]) 13—16 дол. Андрея, 11—16 Юрія, 14—17 Петра, 11—16 Семена.

[2]) Если вѣрить кн. Долгорукову, то типъ этотъ появился впервые на монетахъ Василія Дмитріевича (см. № 32 его описанія неизданныхъ монетъ, впрочемъ плохой сохранности. Вѣсъ—$15\frac{1}{2}$ долей).

[3]) Впослѣдствіи мы находимъ его на монетахъ в. кн. тверскихъ Бориса и Михаила.

нему виду приближаются къ типу монетъ московскихъ великокняжескихъ, а затѣмъ возможенъ другой, частный выводъ, что двуименныя монеты Петра Дмитріевича, равно какъ и его одноименныя монеты того-же типа (т. е. относящіяся къ послѣднимъ годамъ его княженія) чеканены какъ будто другими денежниками, чѣмъ остальныя его деньги, что въ виду значительнаго сходства въ рѣзьбѣ, формѣ и вѣсѣ этихъ монетъ (какъ двуименныхъ, такъ и одноименныхъ) съ монетами Василія Васильевича, онѣ чеканились вѣроятно московскими денежниками.

Но возможны ли изъ этихъ двухъ нумизматическихъ выводовъ какіе либо дальнѣйшіе *политическіе* выводы касательно отношеній между вел. княземъ московскимъ и удѣльными князьями? — мы въ этомъ сомнѣваемся. Припоровленіе монетной системы удѣльныхъ князей къ системѣ Московской вызывалось не политическими, а просто экономическими и финансовыми условіями, — это единообразіе было необходимо ради практическихъ соображеній гражданскаго торговоэкономическаго оборота. Точно также и предполагаемая нами чеканка Петромъ Дмитріевичемъ монетъ въ Москвѣ не можетъ быть признана симптомомъ политическимъ, такъ какъ извѣстно, что уже ранѣе кн. Владиміръ Андреевичъ тоже чеканилъ монету въ Москвѣ же.

Мы впрочемъ думаемъ, что въ Москвѣ чеканили монету если не всѣ, то многіе удѣльные князья. Правда, толкуя въ буквальномъ смыслѣ слова завѣщанія Ивана III: „а сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣломъ въ Московской земли и въ Тверской денегъ дѣлати не велять", слѣдовало бы предположить, что чеканка монетъ удѣльными князьями производилась, говоря современнымъ языкомъ „въ провинціи". Это весьма вѣроятно, напр. относительно монетъ Ивана нижегородскаго, и нѣкоторыхъ родовъ монетъ Юрія галицкаго, отличающихся отъ московскихъ денегъ даже качествомъ серебра, напоминающимъ низкопробное, сѣрое серебро мордовскихъ поддѣлокъ. Возможно, что и нѣкоторые другіе удѣльные князья чеканили монету по своимъ удѣламъ. Но при всемъ томъ сравнительное наблюденіе нумизматической техники и нумизматическихъ типовъ удѣльныхъ и великокняжескихъ монетъ принуждаетъ насъ допускать чеканку ихъ и нѣкоторыми другими удѣльными князьями (кромѣ Владиміра Андреевича и Петра Дмитріевича)—въ Москвѣ. Такъ напр., если сравнить деньги Ивана Андреевича можайскаго (по Черткову № 230 таб. XIII ф. 6) съ деньгами Василія Васильевича (по Черткову № 63 т. III ф. 5 и № 64 т. IV ф. 1), то какъ въ техникѣ, такъ и въ рисункѣ изображенной на нихъ сирены мы найдемъ такое поразительное тождество, а въ рисункѣ всадника такое сходство типа, что мысль не только о единствѣ

мѣста чеканки, но и руки рѣзчика невольно должна явиться у всякаго. Нѣчто подобное представляетъ разительное тождество въ смыслѣ техническомъ и художественномъ восточной легенды и рисунка всадника на деньгахъ кн. Михаила Андреевича верейскаго и кн. Василія Ярославича боровскаго (по Чертк. №№ 241 и 269 т. XIV ф. 1 и т. XV ф. 10). Сопоставляя эти деньги съ деньгами Василія Василіевича съ тою же восточною надписью (см. у гр. Толстаго, Три клада № 48—52), приходится опять-таки придти къ тѣмъ же предположеніямъ,— что всѣ эти монеты чеканены въ Москвѣ.

Отсюда, изъ всего сказаннаго мы опять таки приходимъ къ слѣдующему выводу:

Допуская справедливость догадки, высказанной гр. Чапскимъ [1]), что двуименныя монеты удѣльныхъ князей во времена Василія Темнаго чеканились въ Москвѣ, хотя бы московскій характеръ техники въ ихъ чеканкѣ не всегда могъ быть констатированъ съ полною очевидностью, мы однако не можемъ согласиться съ выводомъ, дѣлаемымъ отсюда гр. Чапскимъ и А. А. Карзинкинымъ, что эта чеканка въ Москвѣ удѣльными князьями двуименной монеты служитъ признакомъ возростающаго могущества Москвы. Этому противорѣчатъ: 1) фактъ чеканки удѣльными князьями въ Москвѣ и ихъ одноименныхъ монетъ, 2) самостоятельность чеканки ими въ Москвѣ монетъ въ смыслѣ регальномъ—они получали и свободно распоряжались доходами отъ серебрянаго литья и 3) нумизматическая рѣдкость двуименныхъ монетъ, доказывающая, что онѣ чеканились либо короткое время, либо—что̀ мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ—въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Чѣмъ же объяснить эту чеканку въ Москвѣ двуименныхъ монетъ? Принимая во вниманіе несомнѣнную чеканку одноименныхъ монетъ въ Москвѣ Владиміромъ Андреевичемъ и вѣроятную—(московскаго типа) Петромъ Дмитріевичемъ и нѣкоторыми другими князьями, мы не можемъ признать одинъ этотъ фактъ достаточнымъ для того, чтобы строить на немъ теорію постепеннаго умаленія права монетной регаліи удѣльныхъ князей. Но, съ другой стороны, мы не можемъ не признаться, что объясненіе интересующаго насъ явленія въ виду крайней скудости свѣдѣній о финансовомъ строѣ Московскаго государства въ XIV—XV в. представляетъ весьма значительныя затрудненія. Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что можно указать нѣкоторыя явленія, даю-

[1]) Удѣльныя деньги древней Руси стр. 34 прим. къ № 150.

щія возможность высказать болѣе или менѣе правдоподобныя догадки на этотъ счетъ.

Такъ, до настоящаго времени совершенно неразъясненное явленіе въ нашей нумизматикѣ разсматриваемаго періода представляютъ т. наз. рубли (рубленыя гривны) съ клеймами. Какъ извѣстно, эти т. наз. рубли (слитки серебра среднимъ вѣсомъ въ 20—24 зол.) иногда встрѣчаются безъ всякихъ клеймъ, иногда же носятъ по нѣскольку (до шести) клеймъ [1]), и притомъ не частныхъ, а княжескихъ и, во всякомъ случаѣ, правительственныхъ. Значеніе этихъ клеймъ [2]) до настоящаго времени совершенно невыяснено. А между тѣмъ несомнѣнно, что они накладывались на рублевые слитки не сразу, а постепенно, такъ какъ на нѣкоторыхъ они совершенно отсутствуютъ, а на другихъ встрѣчаются въ неодинаковомъ количествѣ. Отсюда единственно возможный теоретическій предположительный выводъ, что штемпеля эти накладывались при переходахъ такихъ рублей изъ казны одного князя въ казну другого, что наложеніемъ штемпеля такой хотя и чужой рубль получалъ значеніе какъ бы собственнаго денежнаго знака того князя, чей штемпель на немъ находился, а при нахожденіи на немъ нѣсколькихъ клеймъ превращался въ денежный знакъ, т. сказ., междукняжескій [3]). Судя по характеру нѣкоторыхъ штемпельныхъ типовъ, эти рубли подобно двуименнымъ деньгамъ, относятся къ XV в. Не возможно ли предположить, что и чеканка двуименныхъ денегъ удѣльными князьями имѣла цѣлью присвоить ихъ удѣльнымъ монетамъ характеръ общемосковскій, характеръ монетъ, долженствующихъ имѣть свободное обращеніе во всемъ московскомъ великомъ княженіи?

Впрочемъ возможно и болѣе спеціальное объясненіе происхожденія этихъ монетъ. Какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ, Калита отдалъ своимъ тремъ сыновьямъ Москву въ общее владѣніе, съ тѣмъ, что они должны подѣлиться между собою тамгою и иными волостми городскими. Позднѣе сталъ дѣлиться, кажется, и самъ городъ на участки, и во всякомъ случаѣ съ этого времени раздѣльное владѣніе князей московскими доходами, перешедшее къ наслѣдникамъ Калиты подъ названіемъ третей, сохраняется вплоть до Ивана III [4]). Намъ

---

[1]) См. у Чапскаго № 5—6; у Шуберта, Опис. рус. монетъ изд. 1843 г. стр. 117 № 528 сл. и др.

[2]) Образцы у Чапскаго № 7—8 и въ цит. у него изданіяхъ.

[3]) Эта догадка высказана еще Бѣляевымъ въ статьѣ о древнихъ монетн. системахъ на Руси (Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс. 1846 № 3 стр. 24).

[4]) Въ завѣщаніи Калиты мы читаемъ: „Приказываю сыномъ своимъ отчину

неизвѣстны подробности этихъ раздѣловъ Москвы, не знаемъ, какимъ образомъ князья дѣлили городъ между собою, были ли тутъ какія-ни-

---

свою Москву". Въ духовной Ивана Ивановича это условіе пояснено: „Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ кн. Дмитрію и кн. Ивану, а братаничу моему кн. Володимеру (Андреевичу) на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть и въ тамзѣ и въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городскихъ треть, что потягло къ городу". Далѣе, въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ (С. Г. Г. и Д. I, 33): „А чимъ мя благословилъ отецъ мой кн. вел. Иванъ въ городѣ въ Москвѣ и въ станѣхъ два жеребьи и пошлинъ всѣхъ два жеребья... а чимъ благословилъ тобя отецъ твой кн. Ондрей въ городѣ Москвѣ и въ станѣхъ треть и пошлинъ всѣхъ треть... а коли ину слати свои данщики въ городъ и въ станы, а тобѣ слати свои данщики съ моими вмѣстѣ"... Затѣмъ говорится объ обоюдныхъ намѣстникахъ въ Москвѣ (для судебныхъ дѣлъ).—Въ духовной Донскаго (№ 34): „А приказываю отчину свою Москву дѣтямъ своимъ кн. Василью, кн. Юрью, кн. Андрею, кн. Петру; а братъ мой кн. Володимеръ вѣдаетъ свою треть, чѣмъ его благословилъ отецъ его кн. Андрей. А сына своего кн. Василья благословляю на старшій путь въ городѣ и въ станѣхъ *моего удѣла* двою жеребьевъ половина, а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ въ городскихъ половина. А тамга изъ двою моихъ жеребьевъ княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина". Въ договорѣ Василья Дмитріевича и его братьевъ съ дядею кн. Владиміромъ Андреевичемъ (№ 35): „А чѣмъ мя благословилъ отецъ мой кн. великій и мою братью молодшую двѣма жеребьи Москвы... а чѣмъ тя благословилъ отецъ твой и отецъ нашъ кн. великій, отступилъ ти ся треть Москвы... А коли ны будетъ слати своихъ данщиковъ въ городъ и на варю, и тобѣ слати съ нашими данщики своего данщика; а что сберутъ, а тому идти въ мою казну... А городскихъ судовъ и становыхъ, что къ городу тянетъ, того ми безъ твоего намѣстника не судити, ни тобѣ безъ нашихъ намѣстниковъ не судити"... Договоромъ съ Владиміромъ Андреевичемъ (№ 38) в. кн. Василій Дмитріевичъ обязался: „А трети ми Московскіе удѣла и вотчины брата своего кн. Володимера и его дѣтей... того мнѣ и моимъ дѣтемъ подъ своимъ братомъ и подъ его дѣтми блюсти и боронити". Духовная Владиміра Андреевича (№ 40): „А приказываю вотчину свою Москву, свою треть, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, дѣтемъ своимъ, сыну кн. Ивану, кн. Семену, кн. Ярославу, кн. Ондрею, кн. Василью, вѣдаютъ по годомъ... А треть численныхъ своихъ людей въ Москвѣ и въ станѣхъ далъ есмь дѣтемъ своимъ, сыну кн. Ондрею и кн. Василью на полы; а женѣ своей кн. Оленѣ далъ есмь свою треть тамги Московскіе и восмничее, и гостинное, и вѣсчее, и пудовое, и пересудъ, и *серебренное литье* и всѣ пошлины Московскіе". Послѣ смерти кн. Елены завѣщанныя ей пошлины Московскія должны перейти къ сыновьямъ: „по ея животѣ чей будетъ годъ Москва вѣдати сына моего, тотъ и тѣ пошлины вѣдаетъ". Духовная поставлена подъ покровительство вел. князя. — Духовная Василія Дмитріевича (№ 41 и 42): „Благословляю

будь особенныя условія, на какихъ основаніяхъ они владѣли напр.

своего сына кн. Василія своею вотчиною, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, третью Москвы и съ путми, своими жеребьи. . А княгинѣ своей даю треть тамги Московскіе и всѣхъ пошлинъ въ городѣ на Москвѣ *свой жеребей*".— Договоръ в. кн. Василія и Андрея Дмитріевича и Константина Дмитріевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ (№ 43—44): Упоминается завѣщанная Василію отцомъ „отчина въ Москвѣ" и завѣщанное Донскимъ Юрью „въ Москвѣ";(Тоже въ дог. № 49 — 50) жить договаривающимся въ Москвѣ по душевной грамотѣ Донскаго. — Договоръ Василія Ярославича съ Василіемъ Васильевичемъ, Константиномъ Дмитріевичемъ, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами (№ 45): упоминается завѣщанное Василью отцомъ „въ Москвѣ" и удѣлы Владиміра Андреевича (дѣда Василія Ярославича) „треть въ Москвѣ и въ пошлинахъ"... „А коли тобе (вел. князю) въ городы на Москвѣ и въ станы въ Московскіе послати своего данщика, и мнѣ (Вас. Ярославичу) послати съ твоимъ данщикомъ своего данщика; а что сберутъ данщики наши, и тому ити въ твою казну вел. князя. . . А что суды потягли къ городу изъ вашихъ волостей и изъ моихъ... и тѣ суды судятъ наши намѣстници по тому жъ, какъ было нереже сего. . . А въ городъ на Москву послати намъ своихъ намѣстниковъ". — Договоръ Ивана и Михаила Андреевичей съ Вас. Васильевичемъ (№ 46): Упоминается завѣщанное Андреевичамъ ихъ дѣдомъ Донскимъ „въ Москвѣ", о житьѣ съ вел. княземъ „въ Москвѣ" по грамотѣ Донскаго и о завѣщанномъ Василью его отцомъ „въ Москвѣ".— Духовная Юрья Дмитріевича (№ 51): „Приказываю дѣтемъ своимъ Василью, Дмитрею и Дмитрею меньшому вотчину свою въ Москвѣ, свой жеребей, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой кн. вел. Дмитрей Ивановичъ, въ городѣ и въ станѣхъ, и въ пошлинахъ въ городскихъ, и въ тамзѣ, и въ восмничемъ, и въ мытехъ свой жеребей трема сыномъ моимъ на трое".—Договоры Темнаго съ Шемякой (№ 52—57): „А Москва ти, брате, держати со мною по душевной грамотѣ дѣда нашего вел. кн. Дмитрія Ивановича". Тоже съ Шемякой и Дмитріемъ Краснымъ (№ 60): „А очины ми (вел. князю) подъ вами вашее, чимъ васъ благословилъ отецъ вашъ кн. Юрій Дмитріевичъ своею очиною... также и тымъ, чимъ язъ васъ пожаловалъ, далъ есми вамъ во очину княжъ Константиновъ удѣлъ Дмитріевича... съ Московскими жеребьи,... а Москва вы со мною держати по дѣда нашего грамотѣ по душевной вел. кн. Дмитрея Ивановича... а того ми всего подъ вами блюсти".—Договоръ Василія Васильевича Темнаго съ Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами (№ 61. Тоже № 66 и 69 съ Иваномъ Андреевичемъ): „А чѣмъ благословилъ насъ отецъ нашъ по душевной грамотѣ отца своего, а нашего дѣда вел. князя Дмитрея Ивановича въ Москвѣ... и того ти, кн. велики, подъ нами всего блюсти... А жити намъ съ тобою... въ Москвѣ по душевной грамотѣ дѣда нашего вел. кн. Дмитрея Ивановича". Тоже взаимно объ удѣлѣ Темнаго въ Москвѣ.—То-же въ договорахъ съ Иваномъ Андреевичемъ и Михаиломъ Андреевичемъ (№ 66, 69, 70 и 75) съ прибавленіемъ: „А вотчи-

гостинными дворами и т. п. [1]), но мы находимъ нѣкоторые намеки по этому вопросу въ завѣщаніи Ивана III. Такъ, вмѣсто прежняго раздѣла тамги московской, онъ отдаетъ ее всю цѣликомъ сыну Василію, обязавъ его лишь выплачивать братьямъ по 100 рублей; далѣе мы находимъ въ духовной и другія финансовыя ограниченія прежнихъ правъ удѣльныхъ князей, напр. часть посадскихъ дворовъ въ городѣ приписана была къ подмосковнымъ селамъ, которыя принадлежали удѣльнымъ князьямъ [2]), слѣд. самый городъ дѣлился на отдѣльные

на ми (великому князю) твоя подъ тобою держати по душевной грамотѣ отца твоего кн. Андрея Дмитріевича". — Договоры Темнаго съ Васил. Ярославичемъ (№ 71 — 74 и 78 — 79): „А чѣмъ мене, вел. князя, благословилъ отецъ мой кн. вел. Василій Дмитріевичъ въ Москвѣ (и въ пошлинахъ)... того ти подо мною блюсти... также и въ Москвѣ и въ пошлинахъ, какъ было при моемъ отци... А что удѣлъ дѣда твоего, княжъ Володимеровъ Андреевича, треть въ Москвѣ и въ пошлинахъ, какъ было за твоимъ дѣдомъ... и мнѣ, вел. князю, твоего удѣла трети Московскіе... подъ тобою блюсти и боронити... А коли мнѣ вел. князю въ городѣ на Москвѣ или въ станы въ Московскіе послати своего данщика, и тобѣ послати съ моимъ данщикомъ своего данщика... а што которые суды потягли къ городу... и тѣ суды судятъ наши намѣстники, какъ бывало переже сего... А въ городѣ на Москвѣ послати намъ своихъ намѣстниковъ".—Догов. Василія Васильевича съ Вас. Ярославичемъ (№ 78—79, 84—85=1451, 1456): „А чѣмъ мене, вел. князя, благословилъ отецъ мой кн. вел. Василей Дмитріевичъ въ Москвѣ... также и въ Москвѣ и въ пошлинахъ, какъ было при моемъ отци... и за мною... и тобѣ всего того подо мною и подъ моими дѣтми блюсти... А что ми далъ Богъ удѣлъ дяди моего княжъ Юрьевъ Дмитреевича, что есмь взялъ у своихъ недруговъ у княжихъ Юрьевыхъ дѣтей... жеребей княжъ Юрьевъ въ Москвѣ и со всѣми пошлинами... также что есмь былъ подавалъ удѣлъ дяди своего княжь Костянтиновъ Дмитреевича волости княжимъ Юрьевымъ дѣтемъ, и то за мною; также что ми далъ Богъ вотчину брата нашего княжу Ивана Андреевича... и въ Москвѣ его жеребей со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было за княземъ Иваномъ Андреевичемъ, и тебѣ того всего подо мною блюсти... А что удѣлъ дѣда твоего княжь Володимеровъ Андреевича, треть въ Москвѣ и въ пошлинахъ, какъ было за твоимъ дѣдомъ... и мнѣ, князю великому, твоего удѣла трети Московскіе и всего твоего удѣла... подъ тобою блюсти и боронити"... Наконецъ, въ духовной Василія Васильевича (№ 86—87) его собственный удѣлъ — треть въ Москвѣ—завѣщанъ сыну Ивану, треть Владиміровская—Юрью и Андрею съ придачею года Константина Дмитріевича, годъ княжъ Ивановъ можайскаго — Борису и годъ Петровъ Дмитріевича—Андрею; за тѣмъ $^1/_3$ тамги Московской Ивану со всѣми московскими пошлинами, $^1/_3$ тамги Володимеровой Юрью и Андрею и $^1/_3$ Борису и Андрею.

[1]) См. впрочемъ Чичерина, Опыты стр. 312 слѣд.

[2]) Напр. въ сельцу Сущовскому (С. Гр. и Д. № 136).

участки, которые находились каждый во владѣніи своего князя, по младшимъ сыновьямъ Иванъ III запрещаетъ держать въ нихъ Московскихъ селахъ торги, ставить лавки и позволять останавливаться въ нихъ гостямъ съ товаромъ, — торговля въ этихъ селахъ и пошлины съ нея предоставляются исключительно Василію, а гости должны становиться въ Москвѣ на гостиныхъ дворахъ и младшіе братья его въ гостиные дворы не вступаются [1]). Все это новшества, установленныя Иваномъ III (на это указываетъ постоянная при нихъ оговорка: „какъ было при мнѣ"), но они служатъ показателемъ того, что было ранѣе. Затѣмъ, несмотря на раздѣльность владѣнія, князья собирали съ Москвы дань вмѣстѣ: когда вел. князь посылалъ своихъ данщиковъ въ Москву и въ станы Московскіе, то и удѣльный третчикъ посылалъ съ нимъ своихъ данщиковъ, а собранная ими сумма поступала въ великокняжескую казну для уплаты выхода въ Орду [2]). Наконецъ, князья совладѣльцы Москвы либо сообща творили судъ черезъ своихъ намѣстниковъ, либо судилъ большой намѣстникъ вел. князя, а третчики—намѣстники удѣльныхъ князей— получали только свою часть судебныхъ пошлинъ,—„своего прибытка смотрѣли".

Наконецъ, въ силу совмѣстнаго владѣнія у вел. князя и третчиковъ вѣроятно и нѣкоторые расходы по Москвѣ бывали общіе. Такъ, въ 1367 г. „князь вел. Дмитрій съ братомъ кн. Володимеромъ Андреевичемъ замыслиша ставити городъ Москву каменъ, и еже умыслиша, то и сътвориша" [3]), по всей вѣроятности—на общій счетъ.

Такимъ образомъ, помимо болѣе крупныхъ разсчетовъ съ вел. княземъ московскимъ по платежу татарской дани и другихъ протореи [4]), у удѣльныхъ князей третчиковъ на Москвѣ должна была быть цѣлая масса мелкихъ денежныхъ разсчетовъ съ вел. княземъ. Во избѣжаніе осложненій въ этихъ денежныхъ разсчетахъ необходимо было, конечно, установленіе однообразія въ монетныхъ знакахъ удѣльныхъ

[1]) С. Гр. и Д. стр. 395, 397.

[2]) С. Гр. и Д. №№ 33, 35, 45, 71, 78 (стр. 179).

[3]) Воскресен. Лѣтопись.

[4]) Хотя и здѣсь разсчеты иногда сводились не только рублями, но и алтынами и деньгами (см. напр. договоръ въ С. Г. Гр. и Дог. № 123, гдѣ кн. Борисъ Васильевичъ волоцкій обязывается уплачивать Ивану III въ татарскій выходъ „въ 1000 рублевъ 60 рублевъ съ рублемъ да 10 алтынъ съ деньгою"). Къ сожалѣнію до насъ не дошло ни одного изъ упоминаемыхъ въ договорахъ „давнихъ свертковъ" касательно разверстки между князьями татарскихъ расходовъ.

князей и великокняжескихъ, а это однообразіе, при несовершенствѣ монетной техники того времени и при общей тенденціи къ пониженію внутреннихъ качествъ денежныхъ знаковъ [1]), понятно, достигалось легче всего чеканкою монеты въ одномъ мѣстѣ, быть можетъ даже одними и тѣми же мастерами, подъ надзоромъ великокняжеской администраціи, при чемъ помѣщенное на такой монетѣ имя великаго князя наряду съ именемъ князя удѣльнаго, служило какъ бы удостовѣреніемъ того, что монета дѣйствительно чеканена соотвѣтственно вѣсу и качеству монеты великокняжеской. Примѣру удѣльныхъ князей третчиковъ Москвы могли затѣмъ послѣдовать и другіе удѣльные и иные князья.

Принимая это послѣднее толкованіе происхожденія двуименныхъ монетъ, мы избѣгнемъ и тѣхъ натяжекъ, къ которымъ пришлось прибѣгать Турбину и Карзинкину для объясненія двуименныхъ монетъ Дмитрія Шемяки съ именами двухъ великихъ князей, — находящееся на нихъ клеймо вел. князя Василія могло бы быть объяснено, какъ намѣренно сохраненное изъ соображеній финансово-экономическихъ: монета, носящая его, должна была внушать москвичамъ болѣе довѣрія, чѣмъ деньги удѣльнаго князя галицкаго, хотя бы онъ временно и занималъ великокняжескій столъ.

Таковы возможныя, какъ намъ кажется, догадки въ объясненіе двуименныхъ нашихъ монетъ XV в.

В. Уляницкій.

PS. Вышеизложенное было доложено мною въ засѣданіи 24 апрѣля 1893 г. московскаго Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Замѣчанія, высказанныя по этому поводу многоуважаемымъ предсѣдателемъ Общества проф. В. О. Ключевскимъ см. въ протоколѣ сего засѣданія.

---

[1]) Имѣются напр. монеты Юрія Дмитріевича явно по своему внѣшнему виду обличающія низкое качество серебра, изъ котораго онѣ чеканены. У Рейхеля деньга Петра Дмитріевича показана 61 пробы (противъ 85—88 пробъ денегъ Московскихъ по Рейхелю и Шодуару).